

ЭРА БЕЗУМИЯ

A movie poster for 'Смерть октановых богов' (Death of Octanov Gods). The main image shows a young boy with dark, messy hair and a determined, weary expression. He has dark smudges on his cheeks and is wearing a dark, heavy, fur-lined jacket. He is in the foreground, looking directly at the camera. In the background, a large, dark cargo ship is visible in a body of water, with a city skyline in the distance. Another person is seen in the background, crouching near some debris. The overall atmosphere is gritty and war-torn, with a cold, blue color palette and falling snow or rain.

СМЕРТЬ
ОКТАНОВЫХ БОГОВ

Харитонов Юрий

Юрий Харитонов

Смерть октановых богов

<https://litres.ru/74203987>

Аннотация

В постапокалиптическом мире после трагической гибели отца тринадцатилетние братья Вит и Вовк Соколовы остаются один на один с беспощадной реальностью. Между ними – тяжёлая семейная тайна, которая может разрушить их хрупкое братство. Вовк настаивает на поисках пропавшего младшего брата, толкая Вита навстречу смертельной опасности - в логово жестоких нефтяников в Ярославле. Параллельно туда же держит путь Софья (Сова) Макаренко из разрушенного "Приюта забытых душ", движимая единственным желанием - отомстить за убийство отца. Их объединяет не только жажда выживания, но и готовность биться до последнего против системы, уничтожающей детство. Но на их пути встаёт противник, который играет совсем по другим, изощренным правилам – хладнокровный и расчётливый мужчина с непредсказуемыми намерениями. Смогут ли юные мстители противостоять его коварному плану?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Отроди	8
Глава 2. Красный фургон	26
Глава 3. Засада	51
Глава 4. Похороны	66
Глава 5. Горбун	85
Глава 6. Чудной разговор	120
Глава 7. Наследие тёмного прошлого	142
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Пролог

За два года до...

— Вы хотите увидеть ад на Земле? Это не так уж сложно. Пусть священники сделают официальное заявление: «Бога нет. Мы ввали вам всё это время». И что тогда? Атеисты пожмут плечами: «Мы так и думали». Их это никак не заденет. Они продолжают жить по законам, заложенным воспитанием, — делать добро не из страха, а по внутреннему зову. А что будет с теми, кто верил? С теми, кого удерживала лишь слепая вера?

Константин говорил тихо, почти шепотом, но его слова звучали, словно удары колокола в пустом храме.

— Если они поверят... Если примут правду... Что станут делать люди, которые не убивали, не воровали и не предавали только потому, что «так сказал Бог»? А теперь Бога нет. Заповедей нет. Никакого «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй»... Словно грехи растворились в воздухе, будто никогда и не были смертными.

Он провёл ладонью по столу, словно смахивая с него несуществующую пыль.

— И что тогда? Кто-то молча сложит руки. Кто-то сойдёт с ума. А кто-то наконец сделает то, чего всегда хотел, но боялся. Знаете, что будет? Кровь. Потоки крови. Я видел это, отец Иоанн. Видел людей, которые сбрасывали с себя

мораль, как старую рубашку, когда думали, что никто больше не смотрит.

Священник нахмурился, его пальцы сжались в кулаки.

— Но пусть уж лучше религия останется, — продолжал Константин. — Пусть люди молятся, пусть зажигают свечи и боятся кары. Пусть надеются на прощение. Это лучше, чем разнузданные нравы и вседозволенность. Страшно представить мир, где нечему и некого бояться.

— Так вы и правда в это верите? — спросил отец Иоанн с нажимом.

Константин пожал плечами, будто сбрасывая с себя невидимый груз.

— Верил. Лет восемнадцать назад. А теперь... Теперь я думаю иначе.

Он сделал паузу, позволив тишине вобрать в себя сказанное, а «святым отцам» осознать, что всё то, что они вкладывали и Константина, не дало росток, не возшло и не превратилось в дерево их псевдорелигии, пришедшей на смену настоящей, которая сгорела в ядерном пожаре и осталась погребена в руинах старого мира.

— Было бы лучше, если бы мы очистили мир от фанатиков, освободив его от лжи и фальши! — с горечью в голосе произнёс Константин. — Я видел, на что они способны, и не хочу больше такое лицезреть.

Люди, называющие себя священниками, переглянулись с тревогой и злобой. Они начали понимать, что новый по-

слушник не разделяет их убеждения, но пока не предпринимали никаких действий. Ведь Константин находился в их логове — месте, где скрывались настоящие волки, прикрывающиеся религией. Они не выпустят его за пределы древнего храма, поэтому пусть говорит, что хочет. В последний раз.

Тысячелетние стены не позволят правде выйти наружу и не смогут вернуть остальных братьев на путь, с которого их завернули «Отцы».

— Я видел, как батюшка захлопнул дверь храма перед человеком, за которым гнались рейдеры. Видел, как «святой отец» осенял себя крестным знамением и кричал тонущей девочке: «На всё воля Божья!» — вместо того чтобы помочь. И только однажды... один единственный раз я видел, как священник спас обездоленного. И что же? Его за это убили. А все остальные? Они молчали.

Отец Иоанн побледнел от ярости.

— Заткнись! — вырвалось из его уст. — Замолчи, ирод! Твой язык отравлен!

Константин усмехнулся. Его глаза скользнули по лицам собравшихся в храме. Теперь их охватил ужас, ведь «Отцы» не привыкли, что их ловушка не сработает. Они погрузили остальных в вымышленный мир псевдоверы и думали, что не найдётся человека, который сможет стряхнуть с себя эти крепкие путы лжи. Но... у Константина ничего дорогого не осталось, а порука могла бы ограничить его лишь в том случае, если бы он не любил так сильно свою семью. Но любовь

всё ещё вела его, прокладывая курс из страшного лабиринта псевдоверы, созданного негодяями.

— Забыл ещё одно слово. «Колдун», верно? Так ведь вы меня назовёте, чтобы оправдать моё непослушание?

Отцы пришли в движение. Напряжение в воздухе нарастало. Ещё немного — и оно прорвётся гневом и насилием.

— Ну что ж, — продолжил Константин, — теперь, наверное, вы меня убьёте. Будете вешать? Сжигать? Топить? Или распнёте перед храмом в назидание остальным? Чтобы они вас боялись и не смели обличать во лжи?

Мужчина слегка сдвинулся с места. Его плащ немного распахнулся, и из-под него блеснуло оружие. В руках Константина удобно устроились два пистолета-автомата. Он достал их быстро и уверенно — и направил на страшных людей.

Священники застыли. Никто не произнёс ни слова.

Константин ухмыльнулся и нажал на спусковые крючки. Зал наполнился оглушительным треском выстрелов. Кровь, смешанная с пылью и осколками стёкол, забрызгала стены храма. Луна, пробивающаяся сквозь выбитые витражи, отразилась в тёмных лужах, и церковь окропилась кровью вновь...

Глава 1. Отроди

Июль 2045 г.

Тесный концертный зал Рыбинского дома культуры был окутан таинственным полумраком, словно время застыло и заставило это место утратить своё предназначение. Луна, взошедшая над руинами города, беззастенчиво вторглась в привычный двадцатилетний беспорядок, заливая пространство мягким серебристым светом. Этот свет скользил по потрескавшимся стенам и остаткам сцены, проникая внутрь через зияющую дыру в крыше. Когда-то здесь звучали аплодисменты и смех, но теперь зал казался застывшей тенью прошлого, наполненной лишь шорохом ветра и едва слышным шелестом листвы.

Однако пустота была обманчива.

Лунный свет причудливо играл на полу, выхватывая из тени хаотично разбросанные обломки. Сломанные стулья и куски прогнившей обвалившейся крыши были аккуратно сдвинуты к стенам — кто-то или что-то навело порядок в этом уютном хаосе, словно готовясь к новому представлению. В центре комнаты остался нетронутым небольшой участок деревянного пола, всего три на три метра, — клочок цивилизации, который упрямо сопротивлялся вторжению природы, или... был создан искусственно и недавно.

Повсюду, как змеи, ползли лианы. Они свисали с потолка, цеплялись за стены, пробивались через трещины, словно сама земля жаждала вернуть своё право на эти руины. Раздвинуть стены, разобрать их по кирпичику, зарыть в девственной земле, навсегда скрыть от глаз созданное человеком, не оправдавшим надежд матушки-земли.

Под ночным небом всё казалось почти живым.

На этом освещенном луной островке кто-то собрал кучу растений с белыми корнями, которые торчали в разные стороны, как костлявые пальцы мертвеца. Корни источали странный, терпкий аромат — притягательный и вызывающий беспокойство и неуловимое, но неуёмное желание. Этот запах был старше всех воспоминаний, сохранившихся после войны. Он наполнял воздух напряжением, которое будто сжимало само время в упругую пружину, готовую вот-вот распрямиться.

Тишина висела над залом густым покрывалом. Даже ветер, пробираясь сквозь дыру в крыше, казался излишне осторожным. Он чуть покачивал свисающие лианы, а те шептали что-то на своём непонятном языке. Когда входная дверь чуть приоткрылась, её скрип прозвучал слишком громко, словно разрушив древнюю печать тишины. Но лианы продолжили свой медленный, ленивый танец, сопровождаемый методическим шелестом.

Сначала появился отблеск — две пары светочувствительных глаз вспыхнули золотистым огнем в темноте. Тусклое

свечение скользнуло по залу, словно взгляд древнего божества, бродящего по руинам своего храма. Глаза принадлежали существу, мягко ступившему в помещение. Это была весьма крупная взрослая кошка — по пояс взрослому человеку, крепкая, с густым серым мехом, в котором запутались мелкие листья и кусочки коры. Она двигалась медленно и бесшумно, словно хищник, привыкший к жизни среди развалин.

Кошка остановилась у кучи растений, втянув воздух, насыщенный знакомым запахом. Валериана. Даже после конца света она осталась тем самым лакомством, перед которым не могли устоять кошки. Глубокое мурлыканье вырвалось из её груди, эхом разлетевшись по пустому залу. Этот звук, казалось, пробудил что-то древнее в стенах — скрытые трещины чуть дрогнули, будто кто-то внутри старого здания прислушивался к каждому движению.

За кошкой появились ещё двое — маленькие тени, похожие на призраков былого мира. Детёныши. Они двигались осторожно, с каждым шагом замирали на мгновение, озирались и прислушивались, но их глаза горели любопытством, а лапы нетерпеливо топтались на месте.

Кошачья семья осторожно продвигалась к центру зала. Однако кошка, возглавляющая группу, часто останавливала своих детей, издавая низкий рык и пристально вглядываясь в темноту. Её напряжённость была почти осязаемой, она ощущала чужое присутствие. Уши кошки слегка дрогнули, уло-

вив едва слышное дыхание чего-то, что пряталось среди густых лиан под потолком.

В темноте, словно две тени, висели две фигуры, сливаясь с растениями, свисающими с потолка. Они были неподвижны, их силуэты растворялись в тени, а движения были слишком медленными, чтобы их можно было заметить. Но кошка ощущала что-то необычное, что-то чуждое — древний инстинкт подсказывал ей, что здесь что-то не так. Опасность затаилась рядом, укрывшись в зыбком полумраке, нарушаемом лишь призрачным светом луны.

Котята, заметив, что мать остановилась, тоже замерли, их хвосты нервно дергались из стороны в сторону. Они ждали сигнала — либо разрешения подойти и попробовать заветное растение, либо команды бежать.

Время текло медленно. Даже ветер, казалось, затаился, решив дожидаться решения грозного зверя.

Кошка вновь втянула воздух, внимательно прислушиваясь к своим инстинктам. Запах валерианы манил её вперёд, но что-то ещё удерживало на месте. Её зрачки расширились, отражая тусклый свет луны, а хвост замер.

И вот, наконец, этот опьяняющий аромат окончательно взял верх над осторожностью взрослой кошки. Одурманивающий запах валерианы поглотил её разум. Угрозы больше не существовало — были только корни растения, источающие сладкое безумие. Кошка замурлыкала, призывая котят следовать за ней. Звуки звериного удовольствия разнеслись

эхом по заброшенному залу, словно убаюкивая мёртвое пространство.

Она двинулась к куче травы, грациозно ступая мягкими лапами по треснувшему деревянному полу. Приблизившись, кошка изящно легла на живот, словно окутав себя серебристым светом луны, — вокруг зверя возник ореол слабого сияния, — и наклонила голову к белым корням. Её длинный хвост ритмично дёргался от удовольствия, словно гипнотизируя тишину вокруг. Она шумно втянула терпкий аромат, прикрыв глаза. Вскоре её шершавый розовый язык прикоснулся к корням. Сначала осторожно лизнула один, будто пробуя его на вкус, затем начала жадно жевать, с хрустом раздирая хрупкие волокна.

Котята, потеряв всякую осторожность, радостно присоединились к матери. Они мягко прыгали вокруг неё, сталкивались друг с другом, перекатывались на спины, не замечая ничего, кроме дурманящего аромата. Воздух в зале стал густым, плотным, напитанным странной эйфорией.

Прошло несколько долгих минут. Время словно растаяло. И вдруг — скрипнула дверь.

Тяжёлый, натужный звук разнёсся по залу, словно чей-то предсмертный стон. Дверь медленно закрывалась, но охваченные наркотическим блаженством кошки лишь мельком обернулись, чтобы убедиться, что ничего страшного не произошло. Им и в голову не пришло, что ветерок, пробивающийся сквозь дыру в крыше, был слишком слаб, чтобы толк-

нуть дверь.

Тем временем, в густой тени у стены, что-то едва двигалось. Тихо. Осторожно. Кто-то невидимый, сливаясь с тьмой и паутиной лиан, медленно закрыл дверь до конца и, чуть пригнувшись, подпёр её металлическим стержнем. Щелчок замка прозвучал, как приговор. Никто больше не мог войти. И никто не мог выйти.

Кошки, беззаботно катающиеся по полу, не подозревали о надвигающейся опасности. Их тихое мурлыканье наполняло зал, а лапы мягко касались пыльных досок. Однако тени вокруг становились всё гуще, словно ночь сама по себе сгустилась в этом зловещем месте.

Одна лиана слегка качнулась, и на ней зашевелилось нечто, до этого висевшее в неподвижности. Длинная металлическая арматура отделилась от лианы и медленно приподнялась на вытянутой конечности, нацелившись на безмятежных животных. Слишком тяжёлая для хрупких детских рук, она с трудом удерживалась, но это и не требовалось.

Вдруг кошка-мать насторожилась, её уши дернулись, уловив едва слышный звук движения. Но было уже поздно.

Железный прут обрушился сверху на голову кошки с резким хрустом костей и звуком разрываемой плоти. Заострённый конец арматуры пробил череп и горло зверя, прижав его к полу, и на мгновение зал снова погрузился в абсолютную тишину. Кошка дёрнулась раз, другой... и замерла. Отражающие лунный свет глаза потухли навсегда.

Панический визг котят прорезал эту мёртвую тишину. Маленькие звери заметались по освещённому луной кругу, прижав уши и жадно втягивая воздух. Они искали источник опасности, но мрак был слишком густым. В каждом углу им мерещилась тень смерти.

Но смерть не пряталась у стен.

Ещё один прут внезапно обрушился сверху. Острый конец арматуры с влажным звуком вошёл в пол, пронзив лапу одного из котят. Малыш зашипел от боли и начал отчаянно вырываться. Арматура дёрнулась, но устояла. Котёнок скулил, его крошечное тело тряслось от боли, а когти судорожно царапали доски, раздирая их в щепки.

Второй котёнок беспомощно метался рядом, не зная, как помочь своему брату.

— Чёрт! — раздался сдавленный голос из-под потолка.

Сверху что-то неуклюже зашевелилось, зашуршало, и внезапно вниз рухнуло нечто небольшое. Металлический прут звякнул о пол, а рядом приземлился мальчишка. Он был невысокий, тощий, лет двенадцати-четырнадцати. Его глаза блестели в лунном свете, а на лице застыла смесь страха и нерешительности. И его чувства можно понять: теперь от разозлённых зверей, пусть и всего лишь котят, его ничто не отделяло. А забраться обратно на лиану, значило подставить спину слишком опасным зверям, в добавок разъярённым смертью матери...

— Вовк! Берегись! — тревожный крик ещё одного чело-

века отразился эхом от потолка.

Мальчишка вскочил на ноги, крепко сжимая арматуру, которую успел схватить после падения. Он выставил её перед собой, когда котёнок бросился на него в ярости. Зверь шипел, его глаза пылали яростью.

— Вит! На помощь! — отчаянно выкрикнул Вовк, едва удерживая дистанцию и тыкая в зверя арматурой, отгоняя его.

Котёнок был меньше матери, но больше обычной кошки раза в три, и в его движениях ощущалась сила хищника, готового драться до конца. Он прыгнул снова, а мальчишка отшатнулся, едва не выронив оружие.

— Растяпа! — раздалось сверху. Но Вит не спешил спускаться. — Ты даже простейшее дело умудрился запороть! Недоумок! Отродь!

— Сам ты... — огрызнулся Вовк, но договорить не успел.

В лунном свете блеснул металл. Сверху вновь упала смерть в виде заточенной арматуры.

И вот раздался неприятный хруст, возвестивший, что череп нападающего котёнка пробит арматурой, прут вошёл глубоко, пригвоздив маленькое тело к полу. В тишине осталось лишь судорожный скрежет когтей по дереву.

Второй котёнок продолжал сопротивляться, его лапа была прибита к полу. Он шипел и клацал зубами, пытаясь укусить металлическую палку, отнявшую свободу и доставляющую боль. Он истекал кровью, но инстинкты глубоко внутри

заставляли котёнка бороться из последних сил, биться и искать способ вырваться из ловушки.

— Этот твой, Вовк, — произнёс Вит, спустившись с потолка и неспешно шагнув в круг лунного света. В руках у него была дубинка, покрытая пятнами грязи и засохшей почерневшей кровью. Из неё торчали огромные ржавые гвозди. — Не стой как истукан. Добивай его.

— Но я... я не могу... — голос Вовка дрогнул.

— Не скули! — Вит шагнул ближе, его взгляд был холодным и безразличным. — Он же раненый. Он напуган. Он слабый. Что он тебе сделает? Возьми дубинку и ударь его по голове. Это просто. Охота не подразумевает жалости, а мы сейчас на охоте!

Вовк молчал, сжимая арматуру в руках. Его сердце билось так быстро, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Но в голове звучал только голос брата:

— Давай. Не тормози. Это всего лишь зверь.

Выбора не оставалось. Отбросив железный прут, который глухо звякнул о доски, Вовк выпрямился во весь рост. Его худощавое тело, покрытое смесью сажи и жира, тускло мерцало в лунном свете, напоминая, что он то же самое существо, которое некогда вылезло из первобытной ночи и давным-давно одержало верх над всеми дикими зверями. Вовк должен помнить, как это делается, и он не должен сомневаться в своих силах. В воздухе висел запах крови, сырости и чего-то древнего — будто сама смерть сейчас кралась вдоль

этих стен.

На мгновение мальчишка замер, его глаза блеснули в полумраке, но потом он сделал шаг в сторону тени. Оттуда, заранее спрятанная, появилась самодельная бита — грубо обработанная палка, покрытая трещинами и утыканная длинными ржавыми гвоздями. Как у брата. Бита была подогнана под его рост, и каждый удар этого оружия обещал невыносимую боль.

Вовк обхватил «гвоздатую» битку обеими руками и, глухо зарывав, занёс её над головой. Лунный свет отразился на остриях ржавых гвоздей, словно они покрылись влагой, и она-то и блестела. На самом деле, гвозди постоянно очищали от налипшей крови и кусочков побеждённых животных, отчего сквозь ржавчину проглядывал металл, который и отражал лунный свет.

Последовал резкий и безжалостный удар!

Дубина свистнула в воздухе, но котёнок, несмотря на пригвождённую к полу лапу, каким-то чудом извернулся. Его худое тело молнией пронеслось по полу, и острые когти полоснули по плечу мальчишки.

Вовк вскрикнул и отшатнулся, чувствуя, как тёплая кровь потекла вниз по его коже, смешиваясь с грязью и потом. На плече остались три глубокие борозды, которые тут же наполнились багровой влагой.

— Тварь! — просипел он сквозь зубы и снова занёс битку. Второй удар расколол тишину заброшенного зала. Но

зверь снова ушёл в сторону, извиваясь в безумном танце боли и ярости. Когти снова достали мальчишку — теперь они прошли по его руке, разрывая кожу до кости. Крик боли вырвался из горла ребёнка, эхом отразившись от стен.

В тишине послышалось тяжёлое дыхание. Кто-то стоял у входа, наблюдая за происходящим. Это он закрыл дверь, чтобы кошки не смогли сбежать раньше, чем охота на них закончится.

— Помоги ему, Вит! — прогремел низкий голос, холодный и властный, словно голос самой ночи.

В тот же миг котёнок приготовился к новому прыжку, но лунный свет на мгновение озарил мелькнувшую в воздухе арматуру. Узкая тень пронеслась мимо мальчика и настигла голову зверя. Раздался глухой хруст.

Котёнок обмяк. Его тело дрогнуло и распласталось на полу, а оскаленные клыки всё ещё блестели в лунном свете, будто смерть продолжала цепляться за него.

Вит, взглянув на брата с презрением, сделал шаг вперёд и, остановившись напротив, с силой ударил кулаком в раненое плечо Вовка.

— Ты что делаешь? — вскрикнул Вовк, пошатнувшись от боли.

— Нечего раскисать, как девчонка! — огрызнулся Вит, и в его глазах вспыхнуло презрение. — Эти котята могли бы тебя заживо съесть! Ты видел их клыки? Слабак! Отродь!

— От отроди слышу! — огрызнулся Вовк, сжав зубы и

прижимая раненое плечо. Боль пульсировала, но сильнее её была обида. Это слово — «отродь» — было самым мерзким оскорблением из всех. Как можно было стерпеть такое? Собственный брат обижает его.

— Довольно! — прогремел властный голос из темноты.

Мужчина, словно порождение самой тьмы, отделился от тени и неспешно и уверенно шагал к ним. Его шаги были легки, а тень, отбрасываемая лианами, скользила по его плечам, словно он был не человеком, а древним и мрачным существом. Даже обессиленные и мертвые кошки ранее не заметили его присутствия.

Отец.

— Вам уже по тринадцать, а вы ведёте себя как дикари! Как первобытные люди! Даже с несчастными котятами не можете справиться! Позорище! — его голос звучал сурово и властно, шаги были размеренны, каждое слово взвешено.

Вит резко обернулся к нему, словно найдя в его словах несправедливое обвинение.

— Но, па! Это всё Вовк виноват... — начал оправдываться он.

Отец остановился и резко взмахнул рукой.

— Молчать!

Его взгляд был холодным и строгим, без тени тепла.

— Вы кто такие? Человеки разумные, верно?

— Верно... — нехотя протянул Вит, опустив взгляд.

— А могли бы сейчас оба сдохнуть. Сначала он, — палец

отца указал на Вовка, — а потом ты следом. И знаешь почему?

Вит молчал. Его губы дрожали от обиды, но он не мог найти слов.

— Потому что вы забыли главное правило. Выжить можно только вместе. Ты, Вит, должен был его прикрыть. Поддержать. А ты, Вовк, себя жиром измазал, как свинья. Вот и сорвался с лиан. Понял?

Вовк молча кивнул, чувствуя, как слова отца жгут сильнее ран.

— То-то же. — Отец подошел ближе и тяжело вздохнул. — Мать ваша не для того жизнь положила, чтобы двух дураков на свет произвести. Не для того она умерла. Поняли?

— Да, отец... — пробурчал Вит.

Вовк снова кивнул. Тишина в зале сгущалась, и в ней теперь отчётливо слышался свист ветра, пробивающегося сквозь щели в стенах.

Отец прищурился и произнес:

— Если вы не будете думать головой, то станете пищей. Это очевидно. Вовк, в следующий раз дозируй жир. Иначе снова упадёшь. А ты, Вит, защищай брата. Если он погибнет, то и тебе долго не протянуть. Вы меня поняли?

— Да, я понял... — нехотя пробормотал Вит.

Но обида всё ещё кипела в нем.

— Он как недоделанная макака! — неожиданно выпалил он. — Вечно спотыкается, падает, промахивается мимо це-

ли... Бестолочь какая-то, честное слово!

— Вы меня слышали или нет? — голос отца стал ледяным, от него веяло опасностью. Вит сразу же замолчал и кивнул, опустив голову.

— Теперь идите. Помогите ему. Обработайте раны и оденьтесь. Скоро холод начнет пробирать. Уже далеко за полночь. Когда придут заморозки, всё здесь покроется инеем.

— Ладно, отец.

Отец развернулся и направился к телам.

— А я пока... — добавил он тихо, словно для себя, — шкуры с кошек сниму.

И в темноте снова раздался скрежет металла.

Пока Вит промывал и бинтовал раны брата, а отец сосредоточенно свеживал убитых зверей, луна медленно плыла по небосводу. Её свет упал на стену, покрытую трещинами и пятнами плесени, и осветил часть заброшенного помещения, где когда-то, вероятно, кипела жизнь. Но сейчас здесь всё мертво и заброшено.

Никто не заметил мелькнувшую на стене тень. Она скользнула вдоль неровной обвалившейся кладки, словно чёрное облако, и остановилась, оценивая обстановку. В полумраке блеснули глаза, холодные и нечеловеческие. Тень повертела головой и... исчезла. А через мгновение что-то огромное обрушилось сверху вместе с лунным светом, проникающим сквозь дыру в крыше.

Лианы, свисавшие с потолка, затрепетали, словно струны

мёртвой арфы. Зверь прыгнул бесшумно — его массивное тело полетело вниз. Когти целились в спину человека, а челюсти раскрылись, тянувшись к уязвимой шее. Отец едва успел обернуться, когда мощный удар сбил его с ног.

— Ах ты, сволочь! — взревел он, сотрясая тишину.

Но годы выживания не прошли даром. Сработал инстинкт. Резким движением мужчина откинулся назад, впечатывая когти в пол. В воздухе раздался глухой удар — кости зверя столкнулись с обломками стен и потолка, но даже это не заставило хищника разжать хватку.

Кот зашипел, словно сама тьма обрела голос. Его когти проникли ещё глубже в плоть, разрывая мышцы и связки. Кровь тёплыми ручьями текла по спине. Отец попытался освободиться от зверя, но тот словно живой капкан вцепился в его тело. Каждое движение мужчины сопровождалось невыносимой болью, но он не сдавался.

Кот вновь потянулся к его шее, его клыки сверкнули в полумраке, готовые вонзиться в горло. Но отец выставил локоть вперед, и челюсти захлопнулись на его руке. Острые зубы разорвали кожу, прокусив её до кости.

Хруст. Боль вспыхнула яркой вспышкой, но мужчина не дрогнул. Это было лучше, чем перегрызенное горло.

— Не дождёшься, ублюдок... — прошипел он сквозь зубы.

Стиснув зубы, он резко бросился к стене и ударился о неё всем весом. Зверь зашипел, его когти заскрежетали по кам-

ню, и наконец хватка ослабла. Мужчина упал на пол, придавив хищника своей тяжестью. Его тяжёлое дыхание наполнило комнату, а кровь, смешанная с грязью и пылью, стекала по полу.

Кот извивался в агонии, его массивные лапы скользили по полу, оставляя глубокие борозды. Зверь пытался вырваться, но мужчина продолжал удерживать его, понимая, что стоит лишь немного ослабить давление, и тогда...

— Отец? — раздался испуганный голос Вита.

— Па! — эхом отозвался Вовк.

Мальчишки, которые до этого беспокойно бегали вокруг, наконец, увидели шанс навредить зверю и бросились к отцу. В их руках блеснули утыканные гвоздями дубинки.

— Вит, давай! — выкрикнул Вовк, сжимая оружие обеими руками.

Они подбежали ближе, пока отец прижимал голову кота к полу. Вит крепче сжал дубинку, выжидая момент. И он настал. Зверь изогнул шею, пытаясь укусить отца, но на мгновение подставил голову.

— Сейчас!

Дубинки опустились одновременно. Глухой треск разнёсся по залу, и гвозди пронзили череп, пробив его. Раздался неприятный хруст, сопровождающийся хлюпаньем, и шипение зверя оборвалось. Хищник затих, его тело дёрнулось в последний раз и обмякло.

Отец с усилием поднялся на колени. Его лицо было блед-

ным, а губы — в тонкой полоске крови. Что-то с глухим звуком капало на пол.

— Отец! Ты в порядке? — Вовк бросился к нему.

— Тише... тише... — Мужчина поднял руку, жестом останавливая мальчишек. Его голос был слабым, но твёрдым. — Я ещё жив. Не дождётесь...

Он с трудом выпрямился, привалившись спиной к стене.

— Па, ты весь в крови! Мы сейчас... бинты... раны... — начал торопливо говорить Вит.

Отец покачал головой:

— Не время. Слушайте меня... — Он поднял взгляд, тёмный и серьёзный. В его глазах был страх, но не за себя. За них.

— Молодцы, пацаны... Главное — держитесь вместе. Не давайте друг друга в обиду.

Мальчишки замерли, жадно ловя каждое слово.

— Вы умеете охотиться и рыбачить. Выживете. Но слушайте внимательно.

Отец сглотнул, и его голос стал тише. От слабости он сначала завалился набок, а потом медленно улегся на спину, часто моргая глазами.

— На днях... я видел Красный Фургон.

— Красный Фургон? — переспросил Вовк, нахмурившись.

Мужчина кивнул:

— Опасные люди. Помните правила. Если увидите их, не

подходите близко. Если что-то случится, бросайте всё и бегите.

Он сделал паузу и тяжело вздохнул:

— Каждый год они появляются. Собирают детей. Кто они такие — я не знаю. Но это не к добру, не к добру.

Вит и Вовк переглянулись. Их сердца бешено колотились в груди.

— Запомните, ребята. Вит — присматривай за братом. Он — всё, что у тебя есть. А ты, Вовк, слушай брата. И не забывайте Список — то, что я вам на ночь читаю.

Мальчики снова кивнули.

— Повторяйте его каждый день. Чтобы от зубов отскакивал. Поняли?

— Да, отец.

Мужчина прищурился:

— И Красный Фургон... Запомните. Если увидите — бегите.

— Отец...

— ПОНЯТНО? — его голос резко сорвался в крик. Он закашлялся, прижимая ладонь к окровавленной груди.

— Да!

Отец с трудом поднял взгляд. Его лицо расслабилось, и впервые за долгое время на губах появилась слабая улыбка.

— Любите друг друга. Вы — братья. И запомните: вместе вы — сила.

Глава 2. Красный фургон

Так Соколовы потеряли отца и чуть не стали следующим пунктом в Списке Смерти, который он читал им на ночь монотонным, надрывным голосом, словно древний жрец, взывающий к силам зла. Этот список был для них заклинанием, и от его ежедневного повторения зависело, придёт ли смерть в их маленькую семью или отступит на день-два.

«Время стало пеплом, тонкой дымкой рассеявшись над очерстевшей землёй. Большие нет ни прошлого, ни будущего — лишь безысходность, застывшая и маячившая перед каждым: неумолимая и всегда близкая смерть. Двадцать лет назад Великий Хаос вырвался из преисподней, искалечив мир до неузнаваемости. Теперь каждый день — борьба. Каждая секунда — страстное желание выжить, каждый миг — вызов. Опасность притаилась повсюду: в едва слышном шорохе ветра, в сгустившейся тени у серых развалин, в резком скрипе за спиной.

Семья Садчиковых задохнулась в ядовитой пыли. Они полезли на пепелище, и серый прах неспешно задушил их, осыпая плоть язвами. Урок? — Избегай пепелищ!

Аникины отправились к Кратеру Смерти, считая, что там можно найти нечто ценное, ведь никто туда не ходит, а потому там непременно что-то уцелело. Рак — страшный монстр из прошлого — не оставил им шанса. Урок? —

Держись подальше от этих смертельных воронок!

Воровские погибли в ледяной ловушке Рыбы. Весенний лёд предательски раскололся, и их унесло в ледяное чрево водохранилища. Урок? — Не доверяй весеннему льду!

Федуловы пропали, пытаясь добыть мясо крылатого ящера — зверя из самых жутких ночных кошмаров. Урок? — На такого зверя ходят только толпой, несколькими семьями!

Соломины умерли от голода. Урок? — Не брезгуй мясом отроди, даже если оно кажется проклятым!

Фроловы замёрзли насмерть, обнимая друг друга в попытке согреться. Урок? — Используй шкуры отроди, чтобы не окоченеть!

Козловы испытали на себе жестокость и ложь нефтяников из Ярославля. Детей увезли в Красном Фургоне, который пугает даже самых храбрых, а мать с отцом убили. Урок? — Не доверяй чужим, не приближайся к проклятому Ярославлю!»

Такие суровые истины отец вбивал в них раз за разом. Именно благодаря этим урокам Вит и Вовк пережили тринадцать лет, где смерть была не врагом, а неизбежным спутником. А те, кто забывал или пренебрегал этими законами, своим легкомыслием пополняли кровавые строки отцовского списка.

Теперь, должно быть, следует дополнить этот список такими словами:

«Соколовы забыли, что у каждой звериной семьи, — клоудера — кроме матери, есть и отец, а потому несчастье постигло отца Вита и Вока, и они остались одни. Урок? Считай клоудер по головам, пока не удовлетворишься, что все опасности позади».

Могло показаться, что новое правило не нужно и бессмысленно, раз дети потеряли отца, но Вит так не думал. Теперь это правило было как нельзя актуальней, ведь от семьи ещё осталась ровно половина. И если забыть о правиле, написанном кровью отца, то рано или поздно можно потерять и Вока, или оставить его полным сиротой...

Раз в год кочующие по выжженным пустошам семьи собирались у мрачных руин Рыбинска. Серое небо, будто натянутое ветхой тканью, нависало над их собраниями, а ветер приносил лютый северный холод. Но люди продолжали идти — туда, где их ждали родственные узы и древний ритуал: обмен «молодой кровью». Повзрослевших юношей и девушек меняли, словно амулеты, чтобы избежать кровосмесительных браков и уменьшить вражду между родами. Этот обряд — напоминание о прошлом, когда ещё верили в традиции и клятвы. Теперь же это был способ выживания.

Кочевники жили охотой, собирательством и редкой торговлей. Рыбаки вылавливали добычу на мёртвой Волге и её проклятом водохранилище, где вода давно утратила нормальную жизнь, превратившись в пристанище речных монстров, и всё ещё хранила свои тайны. Невероятно, но живу-

щих под водой чудовищ тоже можно использовать в пищу, и рыбаки на этом знании выжили.

Девятнадцать лет после Великой Войны были временем относительного спокойствия. Скучный кочевой быт приносил свои плоды — семьи не только выживали, но и постепенно увеличивались в числе.

Когда на горизонте возникала опасность, кочевники и рыбаки объединялись, становясь единой силой. Так было и с нефтяниками из Ярославля, которые однажды попытались захватить земли кочевников, но встретили решительный отпор. С тех пор они появлялись редко, лишь изредка приобретая крепкую кожу и экзотические шкуры, которые с радостью продавали скитальцы по пустошам.

У Соколовых не было матери. Она исчезла в тумане послевоенной безысходности, растворившись ещё до того, как близнецы успели узнать, что такое женская ласка. Виктор, отец семейства, никогда не пытался заполнить эту пустоту. Боль утраты застыла в его сердце, как лёд, который никогда не растает.

На общинных собраниях он говорил суровые вещи, не обращая внимания на неодобрительные взгляды других кочевников:

— Чем черствей душа и тело — тем удачней выживание.

И его слова прописной истиной были для его детей. Видя, как из года в год погибают целые семьи, пополняя Список Смерти, Вит и Вовк больше верили отцу, а не выборным ста-

рейщинам, которые из года в год предлагали Виктору любую лишившуюся мужа женщину, лишь бы она оказалась у места и смогла реализовать свою «ещё не полностью реализованную способность к деторождению». Мальчишки на подсознательном уровне не желали принимать в семью новую мать, и отец это понимал и принимал.

Их старый фургон был одновременно домом, крепостью и местом учебы. Близнецы не просто учились выживать — они учились жить по законам пустошей. Подготовка, стирка, починка одежды и сбор оружия стали их каждодневной рутинной. Трудно? Да. Но они молчали, видя, как отец с тоской смотрит на чужих женщин.

— Мачеха вам не нужна, — отрезал Виктор. — Поверьте.

И Вит с Вовком верили. И были благодарны. Его слова становились их правилами. Отец учил их быть призраками: незаметными, как ветер, и смертельными, как дикие звери. Он учил их читать повадки животных, выжидать и ловить. Он учил их не просто выживать — он учил побеждать.

Именно поэтому семья Соколовых стала одной из самых уважаемых в землях кочевников. Но каждый их шаг тянул за собой тень — тень смерти, которую Виктор давно принял как неизбежную. Рано или поздно, но их образ жизни привёл бы именно к такому исходу.

Любая охота могла стать последней для него самого. Он чувствовал это каждой клеткой. Но вместо страха была лишь холодная решимость.

— Когда умру — заберёте шкуры, мясо и уйдёте. Оставьте меня, как приманку для хищников, — вбивал он в головы сыновьям. — Пока они будут заниматься мной, вы уйдёте подальше.

Это была его каждодневная мантра. Завет человека, который давно перестал бояться конца. Как можно его бояться, если мир последние двадцать лет только и делал, что забирал людей. Вычёркивал их из уравнения жизни. Безжалостно и бесповоротно. И изобретал для этого всё новые и новые способы: тварей, аномалии, сводил с ума обычных людей...

Мальчишки работали молча, сосредоточенно и безжалостно. Их руки двигались уверенно, словно это был ритуал, многократно отточенный годами. Острыми ножами они снимали плоть с кошачьих туш, разделявали мясо и аккуратно раскладывали его по кожаным сумкам. Ни кусочка не должно пропасть. Потом они медленно подошли к застывшему телу отца и, склонив головы, начали снимать с него одежду. Всё пригодится. Всё должно послужить их выживанию.

Тело Виктора напоминало каменное изваяние, покрытое шрамами — символами боёв, которые он вёл на протяжении всей своей жизни. Его остекленевший взгляд был устремлён в потолок разрушенного ДК, где по потрескавшемуся дереву ползли тени утреннего света.

В воздухе повисла гнетущая тишина. Она давила на мальчишек, словно тяжкий груз, вжимая их в землю. В воздухе звенела лишь одна мысль: они остались одни. Теперь любая

ошибка могла стать последней. Некому будет напомнить им о правилах, которые отец вдальблывал в их головы, словно мантру, повторяя каждый день. Список Смерти, придуманный отцом, стал их единственной инструкцией. Планом выживания. Вектором спасения. Направлением в Жизнь...

— Чёрт... — выдохнул Вовк, и его голос дрогнул, словно мальчик вот-вот сорвётся и зарыдает.

— Нет его, — отрезал Вит, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Он не мог позволить себе проявить слабость. Ни дрожи в голосе, ни слезинки на лице.

Тишина вокруг становилась всё плотнее, словно туман, что медленно сочился сквозь выбитые окна разрушенного Дома Культуры, приглушал любые звуки. Где-то за стенами едва слышно раздавались зловещие шорохи. Рыбинск пробуждался — чудовищный, чужой, населённый призраками ушедшей цивилизации и опасными тварями, рождёнными смертью, пришедшей вослед Последней Войне.

Слабые лучи солнца прорезали тяжёлые тучи, бросая на пол странные тени, похожие на когти. Вовк медленно поднял руку — жест был не то молитвенным, не то отчаянным. Его пальцы дрожали, готовые зарыться в спутанные волосы или сомкнуться на собственном горле.

— Не надо, — глухо сказал Вит, осторожно положив руку на плечо брата, едва касаясь его кожи, чтобы не подстегнуть боль. — Он не хотел, чтобы мы распускали нюни. Нам по тринадцать. Год-другой — и мы станем взрослыми. Присо-

единимся к другим семьям. Смирновы — неплохой вариант. У них растёт Ю... хорошая девчонка. Всё образуется. А он... однажды он забудется. Как Ма.

— Заткнись! — прошипел Вовк, и его плечи затряслись мелкой, нервной дрожью.

В груди что-то лопнуло, будто давно сдерживаемый пузырь боли наконец прорвался наружу. Его дыхание стало хриплым, сдавленным, как у человека, тонущего в ледяной воде.

— Ненавижу...

Вит не остался в долгу.

— Ненавижу тоже!

Он резко толкнул брата, и тот рухнул на колени рядом с телом отца. Но Вовк не пытался подняться. Он лишь всхлипывал, размазывая слёзы по грязным щекам. Их диалог становился всё яростнее, словно схватка двух загнанных в угол зверьков:

— Ты! — прорычал Вит, и в его голосе слышались злоба и усталость. — Из-за тебя нас никто не примет! Никогда! Какой семье нужен истеричный подросток?

— Отстань! — воскликнул Вовк, и его крик эхом отразился в пустом здании. — Ты никогда не любил его! Не любил и Ма!

— Какую Ма? — голос Вита стал холодным и колючим, как осколки льда. — Которую мы никогда не знали? Которой никогда не было рядом?

— Которую мы просто не помним! Это разные вещи!

— И как твоя любовь к призракам поможет нам выжить?

Вит развёл руками, его глаза превратились в узкие щёлочки, полные злости и презрения.

— Не знаю, — прошептал Вовк и, потянувшись к отцу, осторожно прикрыл его веки. Его руки больше не дрожали.

— Но поможет...

Вит усмехнулся — коротко, зло.

— Отлично! — процедил он сквозь зубы. — С этого дня ты и твоя дурацкая любовь к мёртвым идёте своим путём. На все четыре стороны!

— А вот и пойду! — Вовк вскочил, всхлипывая и размазывая по щекам грязные потёки от слёз. Его лицо исказилось от злости и боли, но голос дрожал, выдавая отчаяние. — Пойду! Достал уже мной командовать! Всегда доставал!

Он яростно ткнул здоровой рукой в грудь брата. Ладонь ударила неловко, почти комично, но жест был пропитан ненавистью и бессилием. Вторая рука беспомощно висела вдоль тела, обмотанная грязными тряпками.

— Без тебя легче будет!

Вит не отступил. Он лишь сузил глаза и усмехнулся холодно и зло, как хищник, почуявший слабость.

— Клёво! — огрызнулся он. — Давай, валяй! Сейчас потащимся до фургона, найдём любую семью — и сразу разделимся! Мне твои истерики даром не нужны!

Вовк сжал зубы до хруста, но промолчал. Вместо ответа

они принялись собирать добычу.

Тяжёлые шкуры убитых кошек, куски свежего мяса и инструменты сложили в кожаные мешки. Груз был слишком велик для двух исхудавших подростков, но никто из них не думал хоть что-то оставить. Ничто в этом мире не было лишним.

Они двигались медленно, будто пробираясь сквозь густое марево воспоминаний. За каждым шагом тянулся шлейф прошлого — отцовская смерть, призраки разрушенного города и навязанные правила выживания.

Когда они вышли на площадь, перед ними предстал Рыбинск — город, который уже не был прежним. Он словно искалеченный, безжизненный, навсегда умерший скелет, тень бывшего себя. Впереди ждала неизвестность. Позади — лишь мёртвый отец. А вокруг — руины мира, который, казалось, давно сошёл с ума.

Катастрофа обрушилась на Рыбинск, словно неумолимый железный молот, разрушая здания и унося жизни людей. Всё живое было окутано смертоносным радиоактивным саваном.

В первые же дни многие здравомыслящие люди покинули город, спасаясь от невидимого врага. Однако спустя двадцать лет природа, словно жестокий санитар, начала методично очищать отравленную землю дождями и снегами. Лишь несколько зон оставались смертельно опасными — могильники старой технократической цивилизации.

Особенно страшными были места скопления металла. До-

роги, покрытые ржавыми скелетами автомобилей, напоминали кладбище механических чудовищ. Их пустые глазницы фар слепо таращились на мир, будто проклиная всех, кто осмеливался приблизиться.

Машиностроительные заводы стояли мрачными исполинами, их фермы и станки покрылись ржой, пылью и плесенью. Когда-то эти сборочные линии создавали машины, а теперь они стали частью мёртвого пейзажа, онемевшими памятниками ушедшей эпохи.

Шлюзы Рыбинского водохранилища и брошенные суда выглядели особенно зловеще. Гигантские ржавые рыбыны, вмёрзшие в берега, словно ждали, когда их снова отправят в путь по прозрачной реке.

Радиоактивная вода давно стекла в низовья, растворившись где-то в безднах Каспийского моря.

Первыми рискнули вернуться рыбаки. Они начали промысел в мутных водах Волги, в которой больше не отражалось небо. Их сети ловили уродливых существ — рыб с множеством глаз, лишними плавниками и чудовищными пастями. С каждым годом добыча становилась всё страннее.

Кочевники медлили. Они знали, что руины заводов кишат мутировавшей живностью. Собаки с тремя головами охотились стаями, отлавливая заблудившихся людей. Чёрные вороны, разросшиеся до размеров волка, кружили над городом, выжидая, когда можно будет поживиться падалью. А крысы... Крысы стали отдельной угрозой. Они могли разо-

рвать человека за считанные минуты, превратив его в рваные куски плоти и костей.

Рыбинск стал зоной охоты — опасной и смертельной.

Но кое-что стоило риска. Двухметровые караси и трёхглазые окуни стали настоящими деликатесами для кочевников. За такие трофеи можно было выторговать оружие, шкуры, инструменты и даже место в семье.

Но пока Вовк и Вит стояли на площади, все эти мысли казались далёкими и неважными. Город смотрел на них пустыми глазницами разрушенных окон, словно шептал об угасшем прошлом и насмешливо указывал путь в неизвестность.

Впереди был только новый день. И новая борьба за жизнь.

Братья двигались через площадь, молчаливые, как тени, сквозь марево знойной послеполуденной жары, возникающей каждый день, будто солнце за тяжёлыми тучами нагревало их, а те лишь уплотняли жар, не давали земле остыть. И тогда иней, успевший намёрзнуть на растения и поверхности зданий за холодную ночь, превращался в пар и покрывал всё вокруг большими каплями.

Обида висела между братьями, тяжёлая и удушающая, как свинцовая завеса. Их сердца, переполненные адреналином и нерастраченной подростковой яростью, не могли просто так отпустить оскорбления, как бы ни хотелось избежать открытого конфликта.

Вовк был в гневе, который заполонил всё внутри. Его рука инстинктивно схватила двойную порцию мяса, забыв о ране

на плече. И теперь кровь, алая и горячая, струилась по его руке, пропитывая ткань. Боль в висках пульсировала, а перед глазами плыла красная пелена. Но он не сдавался. Только не перед Витом! Смертельная решимость сжала сердце, как железный обруч. Он обязательно уйдёт, как и обещал! Ни за что не отступится!

Когда они, наконец, вынырнули из-за полуразваленных пятиэтажек, Вит внезапно замер, как вкопанный. Сумка с мясом тяжело упала на землю. Рука Вита преградила путь брату, и Вовк, не понимая, что произошло, тоже замер.

Перед ними стояла сама суть их ночных кошмаров. Красный Фургон. Символ ужаса и смерти, который преследовал всех детей в округе, словно проклятие. Отдельный, очень жирный пункт из отцовского Списка Смерти.

Развалины наполнились странным, протяжным звуком, резким и ужасающим. Корова, что обычно тянула их кунг, истошно редела, её вопли разрывали воздух, словно душе-раздирающий крик из самых глубин ада. Она пыталась отогнать от их дома-кунга людей в военной форме, которые ходили вокруг, пытаясь вскрыть секретный замок. Чуть дальше стоял тот самый Красный Фургон с белой надписью на непонятном языке: «The Coca-Cola company».

— Стоять! — прорезал воздух резкий, неприятный голос. Кто-то вышел рядом из кустов. Окрик чужаков, зловещий лязг оружия, обрушились на мальчиков ужасной правдой: их окружили и подкараулили.

В голове эхом прокатился отцовский голос: «*Бежать! Только бежать!*» Но было уже поздно. Преследователи были рядом.

— Вовк! Беги! Врассыпную! — крикнул Вит, быстро сбрасывая с плеч тяжёлые мешки. Не закреплённый груз посыпался на землю, а он умело избавился от всего ценного, стремясь скинуть лишнее.

Мальчик побежал, но спиной он ощущал чей-то взгляд. Кто-то был слишком близко, кто-то следовал за ним, не теряя из виду. Только бы это был Вовк! Лишь бы у тормоза-брата хватило мозгов последовать за братом...

Но судьба распорядилась иначе. Сильная рука взрослого схватила Вита за воротник, рывком потянув назад. Вит не дрогнул — он давно и ничего не боялся. Если не стреляют сразу, значит, не убьют. Их цель — не убийство. Они хотят захватить.

Но не на того напали!

Сколько раз они с отцом ловко избегали таких, как эти! Охота на монстров страшнее кошек, спасение от ярославских рейдеров, сделки с нечестными торговцами — всё это закалило не только дух, но и реакцию, и позволило до автоматизма отработать движения.

Вит среагировал мгновенно. Дубина с гвоздями, безжалостное оружие, обрушилась на преследователя, нанося удар прямо в солнечное сплетение.

— Ах ты... урод мелкий! — закричал преследователь, но

хватка его не ослабла. Вит, в свою очередь, рванул секретную верёвку на своей волчьей куртке, оставив врага с пустыми руками. Жирная кожа выскользнула из одежды, и преследователь оказался на земле, обескураженный, с пустой шкурой в руках.

Вит молниеносно перехватил дубину и, не раздумывая, ударил по маске незнакомца с длинным носом.

— У-у-у... Тварь! — проревел тот, зашипел и упал навзничь, как мешок с костями.

Вит зло сплюнул, но сразу же ощутил, как резкая боль пронзила голову. Перед глазами поплыло, колени подогнулись, и мир перед ним стал зыбким, словно туман накрыл его. В следующее мгновение взгляд мальчика остановился на том, чего он боялся увидеть: двое людей тащили Вовка, бесчувственного, словно мертвеца, в проклятый Красный Фургон. На борту — белые буквы: *The Coca-Cola company* — как издевательская насмешка над умирающим миром. Омерзительные, отвратные буквы... Ненавистные всеми свободными людьми в округе.

— Да какого черта? — прошептал Вит, не в силах скрыть ярость. — Баба! Отродь! Зачем дал себя сцапать?

Он развернулся и рванул в ближайший подъезд, не думая о последствиях. За ним тут же последовали двое мужиков, стремящихся догнать и схватить дерзкого мальчишку, посмевшего дать отпор. Тяжёлые шаги эхом отдавались в пустом подъезде, на разрушенной лестнице с приоткрытыми

или настежь распахнутыми дверьми в квартиры, где некогда жили люди. Но теперь квартиры пустовали, поглощённые лишь тишиной и запустением.

Погоня не прекращалась.

Четвёртый этаж встретил Вита гнетущей пустотой. Мальчик заметил, что люк на крышу, к которому вела железная лестница с площадки пятого этажа, оказался закрыт на ржавый замок. В других обстоятельствах Вит не сомневался бы, что справится с этой преградой, но сейчас у него не было времени на взлом замка. За спиной по бетонной лестнице гремели тяжёлые ботинки преследователей. Ещё немного, и шанс на спасение испарится словно мираж.

Оставался один путь. Балконы — последняя надежда, отчаянная попытка вырваться из когтей злой судьбы, организовавшей встречу с Красным Фургоном именно в тот день, когда погиб отец. Люди, пытаясь избежать радиоактивной смерти, после Последней Войны строили мосты между домами, перекидывая кто что может с балкона на балкон. Суеверия умирающего мира подогревали мысль, что простая доска может защитить от невидимой смерти, если не спускаться на землю. Люди давно ушли из этих мест, а многочисленные хрупкие мостки между балконами остались.

Первая попавшаяся квартира была как музей человеческого отчаяния: грязь, пыль, забытые следы чьей-то жизни, которая когда-то здесь была ключом. Вит влетел внутрь, будто зверь, загнанный в угол, и застыл на балконе, едва при-

коснувшись к проржавленным перилам. Железная решётка взвизгнула, как живая, и с предсмертным скрипом рухнула вниз, прямо в заросли мутировавшего кустарника, который тянул вверх тощие, утыканные ядовитыми иглами ветки. Сердце бешено колотилось. Мальчик едва удержал равновесие, чтобы не последовать следом за оторвавшимися перилами.

Доски между балконами — его спасение, но в то же время и смертельная ловушка. Будто тонкая грань между жизнью и смертью. Ветер с безжалостностью пытался сорвать лёгкое тело Вита, угрожая сбросить в бездну. Дубинка, единственный балансир, тонкий якорь, за который пришлось цепляться мальчику. Он сжал её в руках и ловил равновесие, пока перебежал по скрипучим доскам. Они опасно прогибались и трещали, готовые вот-вот обрушиться под весом мальчика.

Внизу простирался унылый заброшенный ландшафт: пустые гаражи, дома, похожие на скелеты, свинцовая Волга, словно серая вуаль, и пугающая дыра под её берегом. От вида чёрного туннеля внезапное воспоминание обрушилось на мальчика, словно внезапно накатила удушающая волна, и напомнило ему о чём-то страшном, как сама смерть, как туннель, из которого нет выхода, как ночной кошмар, от которого перехватывает дыхание. Но Вит не мог вспомнить — не должен был помнить, так ему казалось.

— Эй, парень! Не прыгай! — раздался тревожный голос сзади.

Доски предательски скрипнули, словно отзвучал последний аккорд перед началом конца. Летний ветер, жаркий и влажный, как гнилое дыхание огромной твари, с шумом рвался к балкону, словно стремясь сбросить мальчишку в бездну. Четвёртый этаж казался непреодолимым обрывом, готовым сбросить очередную жертву в ожидающую её пропасть.

— Твою налево! — взревел преследователь, и его голос пронзил тишину, как остриё ножа. — Я из пацана фарш сделаю, как только поймаю!

Хлипкие доски под ногами Вита стали последним барьером между ним и преследователями. Они трещали, пытались сорваться с места, но мальчик, лёгкий и быстрый, шёл по ним как по хрупкой прогнившей ткани, подвешенной некоей предательской сущностью.

— Черномор этого не потерпит! — прозвучал за спиной второй голос, дрожащий от страха то ли перед высотой, то ли перед Черномором.

— Заткнись! За ним! — приказал первый.

— Ты с ума сошёл? — испуганно спросил второй мужик. Ему не нравилась перспектива ступать на шаткие прогнившие доски.

— Живо! Иначе Черномор тебя живьём съест! А я пойду, как нормальный человек — по улице!

Доски закрипели похоронным стоном, последним дыханием умирающего мира. Бедный преследователь был вынуж-

ден подчиниться и ступить на шаткую и непрочную конструкцию. Вит не слушал больше — он уже мчался через другую квартиру. Выскочив на лестничную площадку, он поднялся на пятый этаж по пожарной лестнице к спасительному открытому люку и вырвался на чёрную, пропитанную битумом крышу. Край крыши зиял перед ним, как открытая пасть левиафана, ждущая своей добычи, а вокруг торчали ржавые трубы, словно мёртвые кости.

Мальчик разогнался, стараясь выжать максимум из своего тела, и за считанные секунды оказался у противоположного края крыши. Сзади раздался истошный крик:

— Стой! Не прыгай!

Но Вит не слышал — он уже прыгнул через край крыши, презрев законы притяжения. Преследователь, выглянувший из люка, с ужасом уже было решил, что ребёнок разобьётся, но тот не был ни дураком, ни безумцем. Старые провода, когда-то свисающие с каждого дома подобно сети исполинского паука, стали его последней надеждой. Эти толстые, местами повреждённые временем искусственные лианы выдержали вес Вита, и теперь лишь сильно раскачивались под его лёгким телом.

Для взрослого они бы оказались слишком ненадёжными, мгновенно сбросив в пропасть, но мальчишка, как будто паук, без страха пополз по ним к соседнему дому. Преследователь застыл, вытаращив глаза, будто сам не веря, что видит. Ужас и восхищение смешались во взгляде.

— Ты что, с ума сошёл? — крикнул он, едва сдерживая дрожь.

— Режь провода! — отчаянно закричали снизу. Командир успел спуститься и пробежать вдоль дома, чтобы увидеть, как с крыши одного дома на другой быстро перебирая руками ползёт бесстрашный мальчик.

— Но он же разобьётся... — попытался возразить бандит, в его словах звучало сомнение.

— Режь! Иначе Черномор нас четвертует!

Нож выскользнул из-за голенища, его остриё блеснуло, словно смертельный клык. Мужчина медлил, не в силах оторвать восхищённого взгляда от мальчишки, отважно подтягивающегося на проводах. Однако страх перед Черномором оказался сильнее любых сомнений. Резкий взмах — и провода, как перерезанные лианы, с треском лопнули.

Вит схватился за провод мёртвой хваткой, когда его тело устремилось вниз. Хлопок, резкий металлический звук вздрогнувшей проволоки — и гравитация сжала его, потянув к земле. Но провод не позволил упасть — он резко рванул его к другому зданию.

— Убейся, сучоныш! Убейся! — завизжал полоумный враг, бросаясь туда, где, по его расчётам, должен был приземлиться мальчишка. Но провода оказались слишком короткими, чтобы позволить Виту упасть. Вместо этого, с оглушительным ударом, он врезался в стену дома на уровне второго этажа. Удар выбил воздух из лёгких, руки разжались, и

он соскользнул вниз, всё ещё сжимая провода, а потом всё-таки рухнул — но лишь с высоты метра.

Когда незнакомец подбежал к месту падения, мальчишка уже исчез. Он затерялся в густых кустах, будто сама природа решила скрыть его от преследователя. Мужчина в маске зарычал от ярости и пнул первый попавшийся камень, который с глухим стуком отбросило в сторону.

Вит же через несколько минут стоял у огромного, зловещего провала туннеля, который вёл в темноту под Волгу. Здесь можно было укрыться на время, но мальчишка не мог сдвинуться с места. Тёмное пространство тянуло что-то из глубин его сознания, что-то невообразимо старое и жуткое, словно невидимая рука прошлого сжимала его душу.

Почему же так невыносимо от вида этого заброшенного туннеля? Почему, несмотря на то что он никогда не боялся темноты, по спине пробегали мурашки? Почему было желание убежать, скрыться, исчезнуть навсегда из Рыбинска?

Вит сердито топнул ногой. Он же почти взрослый! Неужели его испугает какой-то тёмный туннель и собственные загадки и страхи, прячущиеся в памяти? Никогда! Мальчик сжал кулаки, нахмурился и, с решимостью, шагнул в беспросветную тьму, бросая вызов не только туннелю, но и самому себе.

* * *

Вит ошибался, думая, что Вовк сдался. На самом деле, он потерял сознание от сильной потери крови, но ненадолго. Когда мальчик пришёл в себя, его голова раскалывалась от невыносимой боли, и было почти невозможно открыть глаза. Всё, что он смог разглядеть через узкие щели, — это люди в чёрных носатых масках, которые куда-то несли его.

Красный Фургон! Его невозможно было не узнать — эти красные обшарпанные борта с огромной белой надписью. Пленители распахнули высокие двери, и Вовка занесли внутрь.

Внутри царила тьма, но из неё выглядывали детские лица с большими, полными страха глазами. Где-то дальше, за поворотом, скрипнула ещё одна дверь, разделив его мир на две части: тёмное пространство, полное невидимых детей, и холодный металлический пол, на котором он лежал, сражаясь с невыносимой болью в голове. Вовк застонал.

— О! — раздался из темноты тягучий, мерзкий бас. — Будет ещё больше. Лучше не сопротивляйся. Легче станет. Я всё равно залезу в твою голову, узнаю все твои мысли, даже самые потаённые. Только будет больше... не сопротивляйся. Я хочу тебе лишь добра.

— К-к-кто ты? — заикаясь, выдавил Вовк.

— Зови меня Отцом!

— Нет! У нас уже есть отец!

— Нет-нет, — издевательски передразнил голос. — У вас *был* отец. Я вижу это в твоей маленькой голове... А теперь

эта вакансия свободна.

— Пошёл к чёрту! — еле выдавил Вовк, с трудом сдерживая боль.

— О! Ты не первый, кто бьётся в истерике. Кто вырывается и брыкается, как несмышлёный зверёк. Кто шлёт проклятия и кары небесные на мою рыжую головушку. За два года таких было много. Но все... все подчинились!

— Я не такой! — взвыл Вовк, чувствуя, как незнакомец рвётся в его мысли. И он знал, что сколько бы он ни боролся, этот голос добьётся своего.

— Такой, такой... — прошептал голос, и Вовк вдруг изогнулся всем телом, закричал от боли, но вскоре его крик затих, тело обмякло, погружаясь в глубокий, гипнотический сон, как если бы сама тьма поглотила его.

Из темноты вышел огромный мужик в грязной, засаленной фуфайке. Его рыжие брови сдвинулись к глубокой складке у переносицы, и, присев рядом с маленьким телом, он закрыл глаза. Огромная рука с толстыми пальцами-сосисками легла на голову Вовка, тяжело сжала её. Густая огненно-рыжая борода затряслась, когда мужик зашептал:

— О! Вот это сюрприз! Вот это удача! Я, наконец-то, вас нашёл! Удивительно! Вы существуете! Сколько раз я был в этом городе... а вот только сейчас мне улыбнулась удача! Э-э-э! Ваш отец, Кизляк из Переславля-Залесского, будет мне очень благодарен! О, да! Очень-очень! Вот только теперь надо ещё братика поймать! Хотя... М-м-м... Э-э-э... да! И ло-

вить-то не надо! Сам придёт! Тебя спасать. Такие они — братья. Нырнут в самый тёмный туннель, если нужно помочь! Ну что ж, ждём-с, ждём-с...

Дверь, отделяющая апартаменты бородача от детского барака, с глухим скрипом открылась. В щель просунулась голова в маске с длинным носом, и заглянувший виновато, сбивчиво зашептал:

— Отец! Отец, прости! У нас не получилось... это... поймать второго... Он слишком быстрый! Он... Э-э-э... слишком... юркий и скользкий. Он, э-э-э... повис на проводах и... он сбежал! Отец! Ты представляешь? На проводах! Тех, что с дома на дом! Это ж никому и в голову такое... Это ж...

— Зайди, Семён! — произнёс Отец Василий Черноморов, поднимаясь с пола. — Не держи дверь открытой, не пугай детей! Мне нужно с ними работать, а от страха они закрываются, и их потом очень трудно вытащить из ментальной клетки. Приходится действовать секатором, но это слишком грубо и может привести к тому, что некоторые особо впечатлительные дети сойдут с ума. И что тогда с ними делать? Товар потеряет свою упаковку, так сказать.

— Да, Отец! — жалобно произнес мужчина, входя в комнату. Дверь заскрипела, отделяя беспросветный мрак детского помещения от пространства Черномора. — Я только...

— Ты подвёл меня, Семён! — с мягким, но ледяным голосом произнес Отец, поднимая руку и касаясь головы мужчины. Тот жалобно заскулил и рухнул на колени, схватив-

шись за голову, словно пытаюсь удержать её от неминуемого взрыва. Взгляд Черномора налился сталью, и в его голосе послышалась угроза. — Ты заставил Фёдора перерубить провода, на которых висел мальчик! И даже не смей думать, что сможешь мне соврать! Я вижу, что видел ты. Я вижу, как ты жаждал смерти мальчишки! Но убивать детей здесь могу только я! Сам знаешь! Это моя привилегия! Понял?

— Да, Отец! — заскулил мужчина, как побитый пес. Его тело изогнулось, боль пронизала каждый нерв, и он едва мог стоять. — Я понял! Прости, Отец! Всё понял!

Минуту Черномор стоял, как статуя, его рыжая фигура возвышалась над жалким существом, катавшимся по полу от страха и боли. Он упивался этим моментом — мигом полного подчинения. Затем, с лёгким взмахом руки, он произнес, будто прогоняя собаку:

— Ступай! Собери всех, идите по развалинам! Обследуйте всё, осмотрите, что нужно, чтобы поймать этого мальчишку. Он вернётся! За братом! И вы... ни за что не должны упустить его! Понял?

— Да! Да, Отец! — едва слышно прошептал Семён и, словно под гипнозом, быстро выбрался из комнаты. В его мыслях бурлила только одна мысль: оказаться как можно дальше от разгневанного Черномора, а затем спокойно исследовать руины и подготовить засаду.

Глава 3. Засада

Братьев жестоко разделили, отчего мир рассыпался на бесконечные осколки, а раздробленная реальность вдруг слишком резко обрушилась на мальчиков. Вовка захватили, а Вит стоял на краю бездны, балансируя между здравым смыслом и помешательством. Этот день стал кошмаром, какими никогда не были его ночные аналоги, что приходили во снах.

Странная, бессмысленная охота Вовка, который так и не убил никого, ужасная агония отца, проклятый Красный Фургон с его безликими носатыми палачами, унижение от неожиданного пленения, отчаянное бегство — всё это слилось в один удушающий поток бессознательного ужаса. А перед мальчиком теперь зиял черный туннель под Волгой, как огромная рана в теле мироздания.

Тьма манила и отталкивая одновременно. Первобытный инстинкт, скрытый в недрах его существа, требовал, чтобы он погрузился в эту бездну, дабы порвать завесу неведомой тайны, давным-давно довлеющей над мальчиками, хотя осознание этого только пришло к Виту вместе с ужасным тёмным туннелем. Мурашки скользили по коже, колени дрожали, но Вит сделал шаг в темноту, поглощённый неизвестностью.

Вдруг мир вокруг стал искажаться, словно потоки давно

забытого хлынули на мальчика. Образы мелькали, как тени, но всё более отчётливые, рваные и болезненные. Каждый шаг подталкивал его в этот водоворот, где каждый шорох был не просто звуком, а воплощением ужаса. Вит чувствовал, что только встретившись лицом к лицу с этим страхом, он сможет вырвать из памяти то, что давно исчезло в забвении, будто некто наложил на мальчиков настоящие магические чары.

Туннель дышал сыростью и могильным холодом. Железобетонные своды, изогнувшиеся под гнѐтом времени, словно плакали, их древний голос отдавался в пустоте. Капли влаги падали в бездну, создавая ритм, как удары невидимого барабанщика, который отбивал свою дробь по каменным лужам. «Кап! Кап! Кап!» — каждая упавшая капля отзывалась в душе, как тягостный предвестник чего-то страшного.

Вит пытался разглядеть хотя бы намѐк на свет, его глаза выхватывали лишь слабый отблеск входа, едва уловимый, почти поглощённый тьмой. И вот — провал памяти. Всё, что было до, исчезло, а этот туннель стал частью чего-то большего, всеохватывающего. Мальчик почувствовал, что его сознание исказилось, будто он стоит уже здесь сто лет, и что каждый его шаг — это борьба за остатки того, что когда-то было его жизнью, его памятью и памятью же его брата Вовка.

Тусклый свет далёкого выхода, скрытого поворотом, стал камертоном исчезнувших воспоминаний. Прошрое начало заползать в душу, разрывая оболочку настоящего, как трещина на льду, под которой скрывается бескрайняя бездна.

Вит упал на колени в ледяную лужу, и его крик — дикий, первобытный — разорвал тягостную тишину туннеля. Сознание взорвалось, как атомная бомба, перед глазами вспыхнули яркие, обжигающие картины восьмилетней давности.

Он кричал, сдавленным, истеричным голосом, пока туннель не поглотил его последние крики, не оставив ни следа. Каждый шаг, каждое падение в холодную воду были как болезненное воскрешение. Каждое воспоминание — как осколок льда, вонзающийся в израненную душу.

Когда память вернулась окончательно, Вит принялся, почти машинально, вытаскивать длинные гвозди из биты, его тонкие израненные пальцы дрожали, словно пальцы человека, прошедшего Ад и сумевшего выбраться оттуда. Эти гвозди были эквивалентом прошлого, тяжким грузом, который не мог остаться с ним, который мог лишь утяжелить и без того невыносимое бремя, поэтому их надо было выдрать. Чтобы хоть через пальцы воплотить ту боль, что проникла в мальчика из памяти. А ещё ему была нужна бита без гвоздей.

Ведь всё, о чём он мог думать сейчас, — это Вовк. Последний из живых. Единственный брат среди двадцати пяти, кто уцелел. Тот, ради кого обязательно стоит бороться. Тот, чья судьба сейчас в руках чужаков из Красного Фургона. Он единственный, кто уцелел, а потому Вит просто не мог его потерять. Только не так!

Кровоточащими пальцами Вит провёл по лицу, оставляя алые полосы — метки боли и памяти. Боевые метки. Словно

расписываясь кровью в своём собственном приговоре похитителям брата и, одновременно, в клятве спасти Вовка и выжить, несмотря ни на что.

* * *

По мёртвому скверу, между призрачными пятиэтажками, разлился демонический, ледяной хохот — эхо, способное отпугнуть любую живность на десятки километров вокруг. Вит усмехнулся. Корова, брошенная и забытая, продолжала стоять, как древний страж апокалипсиса, охраняя территорию. Ей было всё равно, что происходит вокруг — лишь бы кормили.

Он шагал по растрескавшемуся асфальту, который напоминал высохшую кожу мёртвого исполина. В дальнем углу сквера застыл Красный Фургон, как кровоточащее пятно на теле умирающего серого мира. Рядом стоял армейский кунг, немой свидетель их дружной семейной истории, теперь покрытой пылью забвения.

Конечно, они ждут Вита. После откровений проклятой памяти — безусловно ждут. Кто бы ни управлял этим адским фургоном, мальчик ощущал: тот знает всё, что вспомнил Вит. Возможно, в этом истинная причина планомерного и неспешного путешествия Красного Фургона по Ивановской области и пленения исключительно детей... Наверное, ищут их с Вовком, а дети, что пропадают в страшном чреве

Красного Фургона лишь сопутствующий материал. Главных, кого они ищут, пока не нашли. Вернее, нашли лишь одного из них, а теперь ждут, когда Вит явится за братом, чтобы схватить и его. И мальчик не собирался заставлять врага ждать. Важнее было спасение Вовка — последней связи с прошлым, с тем, что осталось.

Красная кепка с длинным козырьком скрывала глаза мальчика от немилосердного солнца, изредка выглядывавшего из-за плотных туч. Белая надпись «СССР» на ней напоминала, что головной убор — реликвия давно исчезнувшего мира. Чёрно-зелёно-красный платок обвивал лицо. Голый торс, покрытый шрамами, напоминал через что парню пришлось пройти, ради выживания.

Штаны из волчьей шкуры, мокасины из рысьей — каждая деталь была частью этой жизни, жёстким намёком природе, ставшей врагом, о том, что человек всё ещё в деле. Что он приспособился и вполне сносно живёт в условиях, ужаснувших бы древних. В руках — окровавленная бита, теперь уже лишённая гвоздей, и заострённая арматура, вырванная из черепа убитой кошки. Орудия мести и защиты.

У Красного Фургона застыла фигура. Прищурившись, Вит узнал Вовка, но не такого, как он знал. Этот ребёнок был чужим, оцепеневшем в каком-то странном, пугающем состоянии. В его руках — знакомая окровавленная «гвоздатая» бита, символ их общей, искалеченной реальности. В отличие от Вита, Вовк был нормально одет: куртка из шкуры дикого

кабана — такая же, какую стянули с Вита во время погони — и зелёная кепка с надписью «USA» — последний привет из давно ушедшего мира, намекающий, что носящий её минимум знает хозяина кепки «СССР». На самом деле, отец пару лет назад нашёл их в доме коллекционера советской эпохи. Там было много забавных штук, но детям Виктор оставил лишь кепки, рассказав, что в давние времена США и СССР были врагами и порой ему кажется, будто и Вит с Вовком друг другу враги. Пусть братья носят их в тёплое время и вспоминаю хоть иногда, что они не противники.

Вит почувствовал нарастающую головную боль и огляделся, продолжая идти. На сей раз мальчик обнаружил настоящего врага. В центре сквера находилась детская площадка, и на длинной красной лавочке восседала странная чёрная фигура, с головой закутанная в плотный плащ. Вит чувствовал, что лишь через узкую щёлку за ним наблюдали внимательные и очень злые глаза. Головная боль усилилась, но, проигнорировав её, мальчик пошёл дальше. Мимо незнакомца, всё ближе и ближе к брату — в надежде увести его от этих злых людей.

И встретил совершенно пустой, слегка затуманенный взгляд ребёнка.

— Вовк! Ты как? — тихо спросил Вит, подходя почти вплотную. Но брат не подпустил ближе: поднял руку с битой, утыканной ржавыми «двухсотками». Грозное оружие, способное превратить любого зверя в фарш, а тринадцати-

летнего мальчишку — тем более. Мрачный пейзаж замкнулся вокруг: пустые дома, пустые окна — каждое могло скрывать врага, пособника того, кто застыл на детской площадке. Лишь перекати-поле и скользящие по асфальту ящерицы дополняли картину запустения.

— Вовк! Очнись, ну! — голос Вита зазвенел, он щёлкнул пальцами, но тут же замер.

— А я ждал тебя, пацан, — проговорил Вовк, голос чужой, скрипучий. От этих слов по спине Вита пробежали мурашки. — Давно ищу вас двоих. Отец Кизляк велел найти. И вот, после стольких лет... Блудные сыновья, вернее, заблудшие, найдены! Ну, что, сынок, поехали домой?

— Я тебе не сын! — выкрикнул Вит, сердце заколотилось в груди. — И этому Кизляку тоже! У меня есть отец...

— Да нет у вас отца! — перебил Вовк, будто читая чужие мысли. — Вы из пробирки, пацаны. Разве не так? Я вижу всё в голове твоего брата. И хоть знаю вас только по словам Кизляка, но ваша история передо мной, как открытая книга. Двадцать пять совершенно одинаковых братьев... помнишь? Холодные и тёмные туннели, негостеприимная подземная лаборатория... ни о чём не говорит? На лице написано: помнишь!

— Лжёшь! — выкрикнул Вит, поджав губы. — Есть у нас отец! Он спас нас от Кизляка восемь лет назад!

— Что ж... — Вовк пожал плечами, как будто это ничего не значило. — Всё равно пойдёте со мной. Кизляк что-

то недоделал с вами, так ведь? Он что-то очень важное не получил от вас тогда. Так? А вы... вы упорхнули из клетки, как излишне обрадованные свободе бабочки.

— Ничего он не недоделал! — выкрикнул Вит. — Он просто хотел уничтожить нас! Убить нас всех!

— А я думаю, доделал, — усмехнулся Вовк, подняв взгляд к разрушенным домам. Он явно ждал чего-то. Или кого-то. Подкрепление? — И вы об этом узнали, а потому и сиганули из «Приюта забытых душ», в смысле, из лаборатории, словно зайцы от волка.

— Ха! — Вит поднял окровавленную битую в сторону замотанной в чёрное фигуры. — Твои люди не придут. Я обошёл эти дома ещё утром. Твои люди вырублены.

— Что? — Вовк дёрнулся, его глаза лихорадочно метались.

— Не бойся! — Вит ухмыльнулся, обернулся к сидящей на лавочке тёмной фигуре и помахал рукой. — Они живы, просто отоспятся, отдохнут немного. Максимум, что с ними станет страшного, это головная боль и шишки. Проблем мне не нужно, брата заберу и всё. Отпусти его...

— Не заберёшь! — Вовк внезапно рванул вперёд. Бита взметнулась, гвозди блеснули в тусклом свете солнца. Левая рука бессильно болталась — последствие ранения, полученного в ДК. Удар пришёлся бы точно в незащищённую грудь, но Вит успел отскочить. Своей битой без гвоздей он парировал следующий выпад.

— Ты чего, Вовк?! — закричал он.

— Думаешь, если я не могу залезть в твою голову, то не понимаю? — прошипел Вовк. — Да хоть Вовк за меня это сделает! А я его поведу! Просто подёргаю за ниточки, а он-то всё и сделает... а ведь... знаешь, лично мне второй такой не нужен, а Кизляку, думаю и одного будет достаточно, чтобы выяснить, что случилось, и забрать то, что вы у него умыкнули!

Ошарашенный Вит, уворачиваясь и отбивая удары, вдруг осознал страшное — план может рухнуть. И всё из-за брата. Из-за слабого головой Вовка! Управляемый чужаком, он когда-нибудь настигнет Вита, и забьёт палкой с гвоздями. А потом, полуживого, потащит к Кизляку. К этому чудовищу.

Что делать? Как вытащить Вовка из-под чужой воли?

— Вовк! Очнись! — крик Вита прозвучал в тишине, будто раскат грома, но брат даже не моргнул. Только шагнул ближе, вновь поднимая дубину.

Вит отпрыгнул назад. Где-то сбоку на землю упал ржавый лист железа, прогремел, словно гонг финального раунда. Брат продолжал надвигаться, замахиваясь с пугающей, машинной плавностью. Ни страха, ни сомнений в его лице — только пустой, ледяной взгляд. Не его, а должно быть, этого странного чужака, сидящего на красной лавочке на детской площадке.

— Я был неправ! — Вит кричал изо всех сил, стараясь заглушить дрожь в собственном голосе. — Ты слышишь?! Я

называл тебя нюней! Отродью! Прости! Это неправда!

Вовк не остановился. Его шаги раздавались гулко, каждый словно загонял Вита в ловушку.

— Я — дурак! Я — кретин! Ты слышишь меня?! — Вит отразил ещё один удар и отступил дальше, чувствуя, как что-то мокрое стекает по ладоням. Кровь? Или пот? Уже не важно. — Но ты сам виноват! Ты самолично стёр нам память! Мне и отцу! Ты заставил забыть то, что творил Кизляк! Все ужасы, которые мы в том бункере видели!

Бита Вовка свистнула в воздухе, едва не сбив Вита с ног. Он снова увернулся, но поскользнулся на грязном асфальте.

— Ты слышишь меня?! Это ты нас спас! — голос Вита надрывался. — Ты видел смерть братьев! Всех! Двадцати трёх наших братьев! Все эти... эксперименты! Эти мучения!

Вовк шагнул ещё ближе. Его бита оцарапала Виту грудь, оставив кривые полосы, тут же налившиеся кровью.

— Ты спас меня! — отчаянно кричал Вит, пятясь дальше. — Если бы не ты, нас бы всех уже не было! Ты вытащил меня! И себя!

Он споткнулся. Асфальт ударил по спине, воздух вылетел из лёгких, а бита Вита отлетела в сторону, звонко стукнувшись о камни. В следующий миг Вовк оказался над ним, оседлал его, вонзая колени в рёбра.

Вит поднял голову, глядя в невидящий взгляд брата. Тот молча поднял дубину над головой. Гвозди на конце зловеще блеснули.

— Вовк! Не надо! — взмолился Вит, вытянув руки вверх, будто это могло остановить удар.

Но в его взгляде мелькнуло отчаяние. Или проблеск надежды.

— Ты изменил нам память! Себе, мне... и тому охраннику! Чтобы он увёз нас оттуда! — голос Вита срывался на крик, боль и страх рвали его слова на куски. — Нам по пять лет было! Вовк! Ты слышишь?! Вовк!

Вит не замолкал. Он кричал, вновь и вновь пробивая отчаяние, будто парировал неумолимые движения брата и собственную немощь. В каждом слове звучала безысходность. Но дубина так и не опустилась.

Через несколько долгих секунд Вит осторожно раздвинул ладони, прикрывавшие голову, и посмотрел на брата. Сердце стучало в ушах, как барабан, красными вспышками отзываясь в глазах.

Взгляд Вовка изменился. В его глазах, до этого пустых, прорезался свет понимания. Он смотрел на дубину в руках и на Вита с тем самым ужасом, который испытывают те, кто осознаёт, что наделал.

— Я... не понимаю... — голос брата сорвался на дрожащий шёпот. Потом крупные слёзы покатались по его грязным щекам. — Я блуждал... блуждал в чёрном туннеле. Но твой голос... вывел меня на свет. Я не хотел...

— Я знаю. — Вит резко поднялся и крепко обнял брата. — Знаю! Ты пытался спасти нас. Там, в этом проклятом тун-

неле, ведущем из бункера Кизляка... Ты молодец, Вовк! Ты всегда был молодцом!

— Но я... я не спас остальных! — Вовк заскулил, как раненый щенок, и попытался снова разрыдаться. Но Вит быстро прижал ладонь к его губам.

— Ты не мог, Вовк! — прошептал он с такой уверенностью, будто отдавал приказ. — Ты был маленький! Тебе было всего пять лет! А ты уже тогда помог... стереть нам память. Изменить мысли троим людям. Ты хоть представь, что ты способен сделать сейчас!

Брат моргнул, и его лицо озарилось внезапным светом, словно в самый тёмный туннель внесли яркую лампу. Его глаза, ещё мгновение назад затуманенные страхом и болью, наполнились жизнью.

— Ты помог мне... — прошептал Вовк. — Ты напомнил... Брат!

— Ты можешь больше! — Вит сжал его плечи и заглянул прямо в глаза. — Я знаю это. Просто до сегодняшнего дня ты был... немного не в себе. Ты чуть-чуть забыл, кто ты есть.

— А теперь? — с детской наивностью спросил Вовк, словно боясь поверить в себя. — А теперь я могу вспомнить?

— Конечно! Ты можешь всё вспомнить, а сейчас ты спасёшь нас! — Вит поднялся вслед за братом и отступил на шаг и указал подбородком на закутанную в плащ тёмную фигуру. Незнакомец сидел в густой тени железного гриба и не двигался, но даже на расстоянии было видно его напряжение.

Он понял, что что-то пошло не так.

Вовк повернул голову к врагу. Его взгляд вдруг стал холодным и злым, как у волка, вышедшего на охоту.

— Ты понял, брат? — прошептал Вит. — Давай. Я верю в тебя.

Вовк кивнул. Лицо его застыло. Глаза сузились, и воздух вокруг будто наполнился электричеством. Незнакомец, заметив этот взгляд, сделал шаг назад. Он больше не был уверен в своей власти.

— Я вижу тебя, — тихо произнёс Вовк. Его голос окреп, зазвучал угрожающе. — Ты больше не сможешь нас сломать. Ни меня. Ни моего брата.

Тёмная фигура дрогнула, её очертания колебались, будто покрытые рябью. Вовк поднялся во весь рост и шагнул вперёд.

— Теперь моя очередь.

И Вовк сжал кулаки. Пальцы хрустнули, как сухие ветки под ногами. Он медленно выпрямился, словно стряхивая с себя последние оковы чужой воли, и пошёл вперёд — к Черноморову, который уже заметно нервничал, озираясь по сторонам.

Незнакомец выглядел растерянным. Его уверенность исчезла вместе с потерянным контролем над жертвой. Он, возможно, надеялся на подкрепление, но знал, что никто не придёт. Помощники, как сказал мальчишка, вырублены. И лежат где-то в этих мрачных пустых домах.

— Ну же... — прошептал Черноморов, делая шаг назад и стараясь вновь проникнуть в сознание мальчика. — Давай... Открой дверь... Впусти меня... Подчиняйся! Ты! Маленький недоносок!

Но дверь в сознание Вовка была заперта. Наглухо. Вовк больше не пускал никого к себе в голову.

Он шёл медленно, но уверенно. В его глазах горел новый свет — свет воспоминаний и силы. Теперь он знал правду. Помнил всё. Он больше не был ребёнком, который прячется от монстров в темноте.

Теперь он сам был монстром.

Каждый его шаг отдавался гулким эхом по двору, словно колокол, возвещающий конец чужой власти. Черноморов пытался пробиться сквозь этот звук, сквозь стены сознания мальчика, но тщетно. Его сила, что так легко ломала людей раньше, обратилась в ничто перед этим тринадцатилетним пацаном.

Вовк остановился в паре шагов от мужчины. Его взгляд был холодным и твёрдым. Теперь он управлял собой и не позволял этого сделать страшному мужчине в чёрной хламиде.

— Ты меня слышишь? — голос Черноморова стал тише, в нём зазвучали нотки отчаяния. — Ты ведь не понимаешь, что делаешь! Мы хотим помочь вам! Кизляк хочет вернуть вас домой! Он хочет, наконец, завершить то, что некогда задумывал. Он хочет спасти мир!

Но Вовк лишь усмехнулся.

— Я уже дома, — спокойно сказал он. — Там, где мой брат. Да и весь мир там же — рядом с ним.

Теперь мальчик точно знал: никто больше не сможет изменить его. Ни Кизляк. Ни Черноморов. Никто.

Он не позволит.

Как тогда, в бункере, восемь лет назад... Вит подобного больше не допустит!

Глава 4. Похороны

Конец октября 2045 г.

Холодный северный ветер уже третий день не переставал выстуживать Ярославскую землю. Он упрямо завывал между полуразрушенными домами, словно исполняя мрачную симфонию зимы — прощальный концерт застывшему безмолвному миру. Тяжёлые свинцовые тучи не приносили снег, а вместе с ним и долгожданного умиротворения; они лишь стремительно проносились над Цитаделью детской боли, словно молчаливые свидетели надвигающейся новой беды.

Ветер, беспощадный и режущий, срывал с обледеневшей земли остатки снега, собирая их в причудливые барханы, которые тут же рассыпались, уступая место ледяной корке.

Слева возвышались стены Горицкого монастыря. Облупившиеся и изъеденные временем, они зловеще изгибались вдоль обрыва. Холм, на котором зодчие воздвигли этот величественный памятник старины, господствовал над Переславлем-Залесским. Это был стратегический бастион, откуда можно было следить за подступами и вести оборону.

Давно минувшие поколения строителей предусмотрели, что монастырь может стать последним оплотом в борьбе с полчищами кочевников. Однако вряд ли они могли предста-

вить, что спустя столетия здесь будут обороняться дети — полсотни измождённых, но отчаянно цепляющихся за жизнь детей.

Время, словно стрелка часов, повернулось обратно, возвращая этот мир к эпохе хаоса. Некогда грозные стены вновь должны были стать преградой для врага, на этот раз не для кочевников, а для разъярённой обезумевшей банды, несущей неволю или гибель.

Михаил, стоя недалеко от одной из башен, пристально вглядывался в горизонт. Его уставшие глаза, обожжённые морозным ветром, напряжённо вглядывались вдаль. Он с благодарностью вспоминал тех, кто века назад возводил эту крепость, словно предвидя её судьбу.

Сейчас, с высоты, всё вокруг казалось будто нарисованным: замёрзшее озеро, раскинувшееся под монастырём, пустые развалины Переславля-Залесского и дорога, на которой чёрный «Хаммер» выглядел миниатюрной игрушкой.

Машина приближалась. Михаил видел её отчётливо, и это внушало ему странное спокойствие: значит, и враг, если появится, будет замечен заранее, прежде чем постучится в ворота. Каждый ребёнок, каждый защитник этой крепости сможет увидеть приближение беды и подготовиться.

Однако в этом чёрном автомобиле не было угрозы. Михаил чувствовал лишь благодарное тепло. Сова — девушка, управляющая машиной, уже спасала его и детей, когда силы Черноморовских вертухаев едва не разорвали их в клочья.

Она явилась для них шансом на выживание, внезапным и драгоценным.

Но Михаил знал, что её помощь не бесконечна. Отъезд девушки был неизбежен, и это причиняло странную, глухую боль. Жаль, что она уедет. Жаль...

Но горевать было некогда. Организационные дела требовали внимания. Слишком многое ещё предстояло сделать, слишком многое зависело от него.

Со вчерашнего дня на самом краю обрыва два самых отъявленных и жестоких приспешника Черномора — Семён и Фёдор — вкапывали столбы под пристальными взглядами вооружённых автоматами детей. Их руки дрожали не от усталости, а от осознания: сутки назад они были охотниками, сегодня — загнанной дичью.

А ныне эти же двое, а с ними ещё четверо подростков — Витька, Сашка, Костя и Василий, те самые, кого Кизляк оставил охранять «Приют забытых душ», но кто оказался пленён, разоружённый Совой, — стояли над пятью свежими могильными холмами. Они сами зарыли тела своих товарищей — таких же марионеток в руках Черномора и Кизляка. Теперь они выстроились перед Михаилом, ожидая его решения.

Подростки — измученные и потерявшие волю молодые бойцы в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет — понуро опустили головы. Они осознавали, что совершили ужасные поступки, хотя и не по своей воле. Долгое время

их разум был скован ментальными цепями рыжего бородача, который заставлял их действовать бездумно и неосознанно. Теперь эти цепи исчезли, но вместо свободы в их душах поселилась гнетущая пустота.

Семён и Фёдор, напротив, не испытывали ни раскаяния, ни чувства вины. Их мрачные взгляды, исподлбья устремлённые на Михаила, были полны затаённой злобы и упрямой надежды на реванш. Однако этот огонь лишь тлел, потому что в руках Михаила тускло поблескивал направленный на них автомат. Он держал его спокойно, но без тени сомнения.

— Что... и этих тоже закапываем? — хмуро спросил Семён, кивнув на два окоченелых трупа, завёрнутых в грязные тряпицы. Михаил покачал головой.

— Вешаем, — коротко ответил он, указывая на вкопанные шесты. Фёдор хмыкнул, обнажая зубы в хищной ухмылке.

— Трупы не вешают. Вешают живых...

Прохоров не улыбнулся.

— Традиции условны, особенно в наше время. И мы их изменим. Будем вешать самых ненавистных отморожков. Здесь, кстати, много плюсов, — заметил он, указывая взглядом на дорогу. — Во-первых, подвешенных будет видно издалека. Может быть, другим охота мстить поубавится. Во-вторых, зверей приманим. Полсотни голодных ртов зиму кормить надо, а провианта — кот наплакал. Ну и... удовлетворение.

Он выдержал паузу.

— Эти двое заслужили самого бесчеловечного обращения. Я думал предать их гнилые останки земле, но дети были против. Они жаждут справедливости. А значит, просто закопать их мы не можем.

Семён криво усмехнулся.

— Думаешь, этим жалким жестом успокоишь их гнилые маленькие души? — его голос был сильным, прокуренным. — Они уже покрылись плесенью этого мира, впитали её в нутро. Черномор постарался, они уже не дети. Нормальные дети такого не пожелают...

Михаил склонил голову, будто пронзая Семёна взглядом насквозь, изучая и видя всё, что тот представляет из себя. Руки чуть сильнее сжали автомат, чтобы чувства не вырвались наружу. Весь их самодовольный вид говорил о том, что это провокация, но сначала надо понять, зачем она им понадобилась.

— Пожелают, — тихо, но уверенно сказал он. — На любое зло найдётся ответ. На любую жестокость — расплата. Время сейчас такое — подозрительное и жёсткое.

В воздухе повисла тревожная тишина.

— Вы не понимаете, что натворили, — продолжил Михаил. — Но я разберусь с этим. Я вычищу из них всё то дерьмо, которым вы и ваши хозяева запачкали их души. Ведь знаешь, Семён, чудовища рождаются не из пустоты. Их возвращает страх. Их закаляет беспомощность. И когда боль гложет их

слишком долго, они становятся такими же, как вы.

Он поднял автомат:

— Дети вернут назад зло. Они сами решат, каким будет их очищение.

Михаил посмотрел на подростков:

— И сделаете это вы, — сказал он, кивнув на Семёна и Фёдора. — Их приспешники. Чтобы знали, что вас ждёт, если решитесь повторить их путь.

Фёдор презрительно усмехнулся:

— Думаешь, нефтяники испугаются нескольких тел, болтающихся на шестах? Думаешь, они не придут? Или, увидев, струсят и оставят монастырь и детишек в покое?

Прохоров покачал головой, глядя куда-то поверх их плеч, словно уже видел приближающийся караван машин:

— Увы, я не питаю иллюзий. Они придут. Они разъярятся. Но... — он чуть наклонился вперёд, понизив голос, — двое самых страшных из их окружения, подвешенные на столбы, обглоданные зверьём, посеют в них сомнение. Незаметное глазу, но въедливое, как ржавчина. Оно не остановит их, но заставит задуматься, на секунду замешкаться. А иногда секунды решают исход боя.

Михаил взглянул на собеседников в упор:

— Вы понимаете, что я сейчас поступаю как Черномор. Только не ради страха, а ради того, чтобы удержать его же поделщиков от нападения.

Семён криво усмехнулся:

— Благими намерениями вымощена дорога в Ад...

— Ад? — перебил его Михаил. В голосе не было насмешки, лишь тяжёлый, гулкий рокот. — Это не тот ли, что вы с Кизляком тут устроили? Насильно тащили сюда детские души, ломали их, изменяли, глумились, принуждали работать. А тех, кто не прогибался, Черномор подчинял... залезал в головы... вгрызался в их разум... заключал в цепи...

Фёдор сплюнул в сторону мёртвых, закутанных в тряпье:

— Это не мы... Это начальники... Мы бы...

— Что? — Михаил вскинул бровь. — Не стали бы издеваться? Кто же вам мешал прекратить это сразу?

Семён вздрогнул, но злость в его взгляде не угасла, лишь стала глубже, мрачнее:

— Он... Черномор... — Голос его сорвался на хрип. — Он каждый день залезал в наши головы. Мы не могли не исполнять его приказов... Боль была... невыносимой.

— Только не говори, что ловил и истязал детей лишь ради этого! — Михаил шагнул ближе, и воздух между ними сгустился, будто стал каменным.

— Ты не понимаешь! — резко бросил Фёдор. — Ты этой боли не испытывал!

— Вы могли просто сдохнуть! — Прохоров отрезал это с такой холодной уверенностью, что воздух точно стал тяжелее. — Но вместо этого выбрали мучить детей. Выбор есть всегда. Просто вам не хватило духу рассмотреть смерть как один из его вариантов.

Семён, не в силах подобрать слова, сжал кулаки.

— Ты не понимаешь... — выдавил он, но Михаил жестом остановил его.

— Осторожно, — произнёс он тихо, но в его голосе звучала угроза. — Иначе я могу подумать, что вы не раскаиваетесь. Есть разница между искренним раскаянием и попытками оправдаться.

Он кивнул в сторону подростков, бывших бойцов Черномора:

— Вон пацаны молчат, а вы тут распинаетесь...

— Не пыли, начальник, — ухмыльнулся Фёдор, и в его глазах мелькнула искорка — то ли бесстыдства, то ли наглой бравады. Михаил вздрогнул. Он уже видел такой взгляд однажды, давным-давно, когда в родную деревню вернулся Сенька Борисов — сосед, отсидевший за разбой. Тот же изучающий, хищный прищур, та же вечная ухмылка, предвещающая неприятности.

— Не пыли? — переспросил Михаил, сделав шаг назад и машинально приподняв автомат. — Это откуда вас, таких хороших, выпустили-то?

— Он прав, начальник, не пыли, — лениво протянул Семён, переглядываясь с дружкой. — Откуда выпустили — неважно. Двадцать лет прошло, какая теперь разница?

Он сунул руку под куртку, к поясу, и резко вытащил полосу ржавого металла, плотно обмотанную изолентой. Блестящий, тщательно обточенный край выдавал в нём оружие.

— Как, впрочем, и то, что мы подчинялись Черномору... Может, мы этого и хотели. Ты давно видел, чтобы бывшие зеки становились на путь истинный? Ха, начальник, это... м-м-м... редкое явление! Особенно когда весь мир пошёл прахом. Что нам было делать, а? Коз разводить? Пшеницу сеять? Ты наивен, как моя третья жинка!

— Стоять! — рявкнул Михаил, вскидывая АКСУ. Семён, словно не услышав, медленно двинулся в обход, мимо замотанных тряпьем тел. Фёдор, будто дождавшись сигнала, сунул руку за пазуху и тоже извлёк оттуда самодельный нож. Ухмылка на его лице стала шире, наглее.

— Ты главное пойми, начальник, — Фёдор чуть склонил голову набок, наблюдая за Михаилом с весёлым интересом. — Мы в этом деле давно, а ты... тебя подстерегают сюрпризы.

Он кивнул на автомат в руках Михаила:

— Например, твоя железка. Она ведь трофейная, так? По вашим словам — военный трофей. А по моим — троян.

Михаил ощутил, как по спине скользнул холодок. Автомат и правда был трофейный... Он принадлежал кому-то из Черноморовских.

— Он мой. — Голос Фёдора стал почти ласковым. — И только я знаю, как он устроен. Как его подготовить к стрельбе... как активировать, чтобы он не убил самого стрелка.

Михаил на мгновение застыл.

Чёрт...

Он бросил взгляд на монастырскую стену. Даже если дети там заметили неладное, они не станут стрелять — у них нет опыта, и они промажут. Где-то под холмом подъезжал «Хаммер» Совы, но за пару минут эти двое успеют его уничтожить.

— Стоять! — крикнул Михаил, крепче сжимая бесполезный теперь автомат. — У вас есть шанс исправиться! Начать новую жизнь...

— Жизнь? — передразнил Семён, оскалившись. — Что вы все заладили про какую-то новую жизнь? Чем вам старая не угодила? Меня вот вполне устраивала. Черномор с Кизляком хоть и были гнидами, но о своих заботились. Ты, начальник, разве не понимаешь? Чем больше лбов, тем меньше каждому достанется в вашем общежитии! А вот в нашем, — он кивнул на Горицкий монастырь, — хорошо ели, одевались и жили лишь избранные, лишь приближённые.

Он шагнул ближе, перекатывая нож в руке.

— С чего ты решил, что я вдруг захочу меняться, а? Прислуживать тебе? Подтирать жопы полсотне молокососов? Эх тебя накрыло, дружок!

Фёдор хохотнул и чуть сместился вправо. Семён зашёл с левой стороны.

— Сейчас, начальник, мы тебе улыбочку нарисуем... От уха до уха.

Михаил стиснул зубы.

— Последний раз говорю: стоять!

Фёдор щурился, как кот, готовый к прыжку.

— А то что? — Он двинулся вправо. Семён — влево. Капкан захлопывался. — Своих щенков на меня натравишь?

— Отправитесь к своим боссам, — бросил Михаил, сжав рукой холодный ствол неисправного автомата. Он перевернул оружие, превратив его в подобие грубой биты, и, примериваясь, изучал, как удобнее нанести удар этим странным, но весомым инструментом.

Подростки, сгрудившись в стороне, молчали. Их взгляды, полные робкого ужаса, цеплялись за Михаила, как за последнюю защиту. Они выглядели словно испуганные дети, неожиданно втянутые в жестокие игры взрослых. После гибели Черномора с них будто скинули цепи. Раньше тень рыжебородого властвовала над их разумом, заставляя подчиняться. Теперь, лишённые этой давящей силы, юнцы замкнулись в себе, будто стараясь спрятаться глубже. Но раны, нанесённые «Отцом» Василием, остались — невидимые, но гнетущие, словно шрамы, которые невозможно залечить.

— Мужики, помогите! — выкрикнул Михаил, на мгновение бросив взгляд на ворота. Бежать было рискованно: одного шага могло хватить, чтобы его догнали и ударили в спину. Он добавил, пытаясь пробиться к их совести: — И вам зачтётся! На душе легче станет!

— Заткни пасть, урка! — рявкнул Семён, повернувшись к подросткам. Его голос был режущим, как нож: — Кто хоть шевельнётся, порежу на лоскутки!

В это время Фёдор, с хищным блеском в глазах, бросился на Михаила, вытянув вперёд заточку. Удар пришёлся прямо в горло. Прохоров отшатнулся, одновременно размахнувшись автоматом. Однако бывший зэк оказался ловким — он успел увернуться и тут же пошёл в новую атаку, метя в живот.

Михаил осознал, что ситуация вышла за пределы его понимания. Инстинкты взяли верх, заглушая все мысли, кроме стремления выжить. Он с трудом успел перехватить удар, выставив автомат перед собой.

Фёдор вновь бросился вперёд, целясь в шею Михаила. В последний момент тот отклонился в сторону и, вложив всю силу в удар, метнул приклад в руку противника. Заточка выпала из ладони Фёдора и звонко вонзилась в лёд. Бывший зэк попытался схватить оружие, но Михаил вновь ударил, заставив его отступить. Приклад прошёл в опасной близости от лица Фёдора.

Семён, заметив, что его напарник остался безоружным, нахмурился. Он отступил назад, оценивая ситуацию. Михаил выглядел грозно, но шансы были неравны. Подростки стояли в оцепенении, не решаясь пошевелиться. Их лица застыли, отражая страх и неопределённость.

Усмехнувшись, Семён направился к дерущимся, чтобы помочь Фёдору. Его уверенность зашкаливала: против двоих Михаил точно не выстоит.

Тем временем Прохоров, переведя дух, отступил на шаг.

Его взгляд метнулся к юнцам, которые всё ещё стояли в стороне. Он понимал, что любая поддержка могла бы изменить ход событий.

— Выбор за вами, — произнёс он твёрдо, стараясь скрыть дрожь в голосе. Его глаза цеплялись за каждого из ребят. — Теперь он у вас есть. Решайте, на чьей вы стороне.

Фёдор злобно сверкнул глазами и, улучив момент, когда Михаил отвлёкся на юнцов, резко рванулся вперёд, поднырнув под автомат. Удар плечом — и Прохоров полетел на землю.

Мгновение — и Михаил уже лежал на спине, воздух вырвался из лёгких, пальцы машинально потянулись к оружию, но автомат, выскользнув, глухо шлёпнулся в снег. А Фёдор, с перекошенным от ярости лицом, обрушил на него первый удар. Затем ещё один. И ещё.

Михаил дёрнулся, пытаясь защититься руками, но кулаки зэка били тяжело. В висках стоял гул, вкус крови ощущался на губах металлом, в глазах мутнело от ударов. Он едва успел среагировать, перехватывая запястья Фёдора. Тот рывком подался вперёд, но Михаил собрал все силы и резко толкнул его ногами. Бывший зэк потерял равновесие и повалился набок. Прохоров не дал ему шанса опомниться — перекатившись, оказался сверху и тут же со всей силы врезал по лицу.

Что-то хрустнуло. Возможно, нос. Фёдор хрипло втянул воздух и инстинктивно закрылся руками, но Михаил не оста-

новился. Его кулаки с яростной методичностью врезались в нос, глаз, лоб. Кожа уже была в крови, горячей и липкой, но он не думал об этом.

За спиной раздался звук шагов — Семён. Михаил чувствовал его приближение спинным мозгом, знал: у того за точка, и времени почти нет. Надо добить Фёдора, вырубить его, пока не стало слишком поздно. Но зэк не сдавался. В какой-то момент он сумел перехватить Михаила за запястья, стиснув из последних сил. Грудь тяжело вздымалась, разбитый нос хлюпал, кровь стекала по подбородку.

— А ну отошли, урки! — раздался крик Семёна, и Михаил заметил краем глаза, как подростки, до этого замершие в страхе, пришли в движение. Они больше не были просто зрителями. Они сделали выбор.

Но всё это казалось далёким, размытым и неважным. Если он не закончит с Фёдором, всё остальное потеряет смысл. А вот бывшему зэку тоже приходилось нелегко. Михаил чувствовал, как дрожат его собственные руки, как дыхание срысывается, превращаясь в тяжёлый, хриплый выдох.

— Вы... никогда... не будете в безопасности... — прохрипел Фёдор, сглатывая кровь. — Кроме Нефтяников из Ярославля... Кизляк сотрудничал с выжившими с юга и запада... С Александрова и Твери... Кажется, кого-то отправляли в Питер, чтобы наладить контакты...

Он ухмыльнулся окровавленными губами, кашлянул, но продолжил, слабо, но с мерзким, липким самодовольством:

— Ты думаешь, делаешь добро, защищая этих детей? Нет... Ты просто... оттягиваешь неизбежное... Их всё равно подомнут под себя... Взрослые. Они придут. Обязательно. Если не мы, то другие. И заставят подчиниться...

Слова проникали под кожу, вгрызались в сознание, оставляя холодный след. Но вместе с холодом внутри Михаила поднималась другая сила — дикая, первобытная ярость. Омерзение, которое он испытывал к Черномору, вспыхнуло вновь, удвоенное, утроенное.

Фёдор усмехнулся — и тут же захлебнулся в собственной крови.

Михаил больше не сдерживался. Он бил — исступлённо, яростно, без разбора, в любую открытую часть лица, куда только попадали его кулаки. Лишь бы заткнуть эту гниду. Лишь бы уничтожить тварь, рождённую в грязи, беззаконии и лжи. Лишь бы стереть её с лица земли.

Глухие удары смешивались с хрипами Фёдора, кровь брызгала на снег, оставляя багровые пятна. Михаил почти не слышал, что происходило за его спиной, все чувства сузились до единственной цели: добить, подавить, заставить замолчать.

Но затем раздался крик.

Разъярённый рёв Семёна прорвал глухую пелену бешенства, заставив Михаила очнуться. На какую-то секунду он отвлёкся, перестал бить, разжал сжатые в костяшках кулаки. Только теперь он осознал, что Фёдор больше не сопротивля-

ется — безвольное тело лежало под ним, дыша прерывисто и с хрипами. Без сознания. Прохоров резко поднялся, разворачиваясь, готовый к новой угрозе.

И увидел то, чего меньше всего ожидал.

Подростки больше не стояли в стороне, они окружили Семёна плотным кольцом, медленно и уверенно сжимая круг. Лица у них были мрачные, губы сжаты, глаза серьёзные и злые, как у людей, сделавших окончательный выбор.

Семён, стиснув зубы, выставил перед собой заточку, лезвие отражало холодный свет. Он дёргался из стороны в сторону, пытаясь прорваться, но пацаны двигались синхронно, не оставляя ему шансов.

— Не подходи! — зарычал он, размахивая ножом, делая резкие выпады то в одну сторону, то в другую. Костя и Витька отступали на полшага, но тут же снова смыкали строй. Сашка и Василий резко прыгали, не давая Семёну пространства. — Зарежу, гниды! Щенки! Забыли, как обосрались от страха в храме Черномора? Забыли, как дрожали в углу, умоляя пощадить вас? А я помню! Вы, сукины дети, ничего не стоите!

В уголках губ у него скопилась пена, голос хрипел, но не терял своей ярости.

Подростки хранили молчание. Они не поддавались на угрозы и не отвечали на оскорбления. Василий, не говоря ни слова, поднял с земли лопату и, даже не взглянув на неё, бросил Косте. Тот ловко поймал. Затем он передал лопату Вить-

ке, а потом Сашке. Теперь уже все четверо стояли перед Семёном, вооружённые лопатами.

Семён замер. Его глаза метались по сторонам, выискивая пути к отступлению. Но отступить было некуда. Михаил уже стоял там, перехватив автомат за цевьё и превратив его в дубину.

— Ты всё равно их не спасёшь! — прошипел Семён, глядя на него исподлобья. — Черномор навсегда останется в их головах. Он будет сниться им по ночам. Правда, мальчики?

Он оглянулся, ухмыляясь, но не успел договорить. Василий не выдержал первым. Лопата со свистом обрушилась на голову Семёна, тот дёрнулся, рухнул на колени и осел, хватаясь за виски. Подростки переглянулись. Михаил кивнул и отвернулся, чтобы дать им время сделать то, что они должны были сделать. Но он не успел. Молниеносный рефлекс спас его. Он почувствовал движение и рванулся в сторону, а в следующий миг в том месте, где он только что стоял, просвистел нож.

Фёдор, тот, кого Михаил уже считал побеждённым, поднялся. Его лицо было неузнаваемым — опухшее, залитое кровью, с разбитыми губами и покрасневшими белками глаз. Он походил на окровавленный труп.

— Я достану тебя, тварь... — прохрипел он, сплёвывая густую алую слюну и вновь бросаясь в атаку.

Михаил вскинул автомат, готовый отразить атаку, но не успел. Выстрел разорвал воздух. Фёдор дёрнулся, как кукла,

у которой резко перерезали нити, и рухнул ничком. Всё было кончено.

Прохоров поднял глаза, отыскивая стрелка. У ворот Горицкого монастыря темнел чёрный «Хаммер». Софья Макаренко стояла, облокотившись на капот, лениво поглаживая снайперскую винтовку. Она улыбнулась и подняла большой палец. Михаил кивнул в ответ. А потом повернулся к подросткам.

Они стояли над телом Семёна, сжимая лопаты, тяжело дыша. В глазах у них не было радости, не было ликования. Только усталость. И тихое удовлетворение.

— Спасибо, — сказал Михаил, глядя на них. — Вы переступили через себя. А значит, власть Черномора над вами уходит.

— Это... — Костя, пятнадцатилетний, самый младший из всех, неуверенно переминался с ноги на ногу. — Мы не хотели...

— Я знаю, — кивнул Михаил. — Он сам довёл вас до этого.

— Он — мразь, — вставил Сашка и сплюнул на землю. — Нам с такими не по пути.

Остальные трое согласно кивнули.

— Теперь придётся и этих закапывать, — угрюмо вздохнул Витька, вытирая лопату о штанину.

— А этих поднимать, — кивнул Михаил в сторону замотанных в тряпье тел Черномора и Кизляка. — Я помогу.

— Не надо, — твёрдо сказал Василий. — Мы сами.

Глава 5. Горбун

— Папа! Ты что, с ума сошёл? Тебе жить надоело? — возмущалась Алекса, когда до детей дошло известие о нападении бывших подчинённых Черномора и Кизляка на Михаила. Они сразу же бросили свои дела и выбежали за ворота монастыря. Ребята столпились вокруг столбов, к которым теперь были подвешены четыре тела — к Черномору и Кизляку присоединились Фёдор и Семён. Ветер беспокойно гулял среди руин под холмом, подхватывая тревожный гомон полусотни возбуждённых детей и унося его над опустевшим Переславлем-Залесским.

Александра была в ярости. Она гневно уставилась на отца, едва не ударив его в грудь, но каким-то невероятным образом сдержалась.

— Почему ты не дождался Софьи? — спросила дочь. Она резко обернулась к Макаренко, но та лишь мельком взглянула на толпу и, слегка качнув головой, тихо произнесла:

— Саш, ведь всё закончилось хорошо?

— Отлично! — язвительно парировала пятнадцатилетняя дочь. — К этим трупам едва не пристроился он!

Она уже собиралась сказать что-то ещё обидное, но уловила предостерегающее движение бровей Макаренко и сбавила тон.

— Ты вообще думал о нас? О своих родных детях? И о

других... о тех, кто теперь под твоей защитой? Что бы с нами стало, если бы ты...

— Вопрос, конечно, резонный, — задумчиво признала Сова. Она скользнула взглядом по Михаилу, но тот, похоже, был занят другим: его больше беспокоило, что полсотни детей с жадным интересом наблюдают за четырьмя подростками, подвешивающими на столбы мёртвых.

— Я не хотел, чтобы они это видели, — тихо сказал он, кивая в сторону тел. Затем мрачно добавил: — И, кажется, я уже дал вам работу.

Он обвёл собравшихся суровым взглядом.

— Одни должны были разобраться в Успенском соборе, где Черномор мучил детей. Кунги тесные, нам нужно расширять жилплощадь. Другие... — он задержал взгляд на Александре, — должны были осмотреть округу. Разведать местность, оценить угрозы. А вместо этого вы сбежали сюда. Из-за одного маленького инцидента...

— Нам бы не пришлось, если бы этого «инцидента» не случилось! — не уступала дочь. — Ты ведёшь себя, как ребёнок!

— Я лишь пытаюсь решать проблемы, — раздражённо бросил Михаил, так, чтобы слышали все. — И, между прочим, стараюсь учитывать, что вокруг дети! Им ещё рано видеть... такие вещи.

Он кивнул на столбы, где от ветра болтались мёртвые.

— Надеюсь, однажды вы это поймёте. А пока — займи-

тесь тем, о чём я просил.

— Но, отец... — попыталась возразить Алекса. Но Михаил взмахом руки оборвал её, не желая продолжать этот спор. Если он хочет навести порядок в Приюте, он должен начать с дисциплины.

— Хватит! — резко сказал он, обернувшись к детям. — Слышите? Возвращаемся к делам! Здесь вам не аттракцион с мороженым! Спасибо за заботу, но дальше я сам.

Дети недовольно разошлись, бросая на подвешенные тела взгляды, в которых читалось сожаление: оторвали от *такого* зрелища!

Остались лишь Александра, Андрей, Вадим, Пашка, Аня, Вика — родные дети — и Руслан — тот самый Руслан, который недавно уговаривал Михаила стать отцом для всех детей. Они молча окружили его, их взгляды были полны осуждения.

— Отец... — тихо произнесла Алекса. Взгляды остальных словно кричали о том, что младшие сёстры и братья полностью согласны с Александрой.

— Мы боимся. Мы переживаем. Неделю назад наших матерей убили, а теперь ты... Ты тоже хочешь отправиться к ним?

Михаил сжал кулаки, но ответить не успел.

— Сова! — в отчаянии обратился он к Макаренко, и в его голосе сквозила мольба. — Ну скажи им что-нибудь. Объясни...

— Миш... — тихо произнесла Макаренко, положив руку ему на плечо. — Я на их стороне. У меня тоже не так давно забрали отца, и будь я на их месте, наверное, поколотила бы тебя.

Дети с готовностью закивали, подбадриваемые её словами, но женщина тут же метнула в их сторону строгий взгляд.

— А вот устраивать сцены при всех — нехорошо. Вы подбиваете его авторитет перед остальными детьми. Вернуть его обратно будет куда сложнее, чем потерять. Вам, наоборот, сейчас нужно держаться за отца, быть для него опорой.

Ребята понуро склонили головы, осознавая правоту её слов.

— Если вы не будете его слушать и поддерживать, то и остальные перестанут. А тогда... — Софья обвела рукой разорённые земли за стенами монастыря. — Тогда здесь станет так же пусто и холодно, как там. Вы этого хотите?

Дети переглянулись, молча кивнули. Михаил благодарно посмотрел на Макаренко, затем перевёл взгляд на своих.

— Обещаю, — твёрдо произнёс он, обращаясь к Александру и остальным. — Больше не буду бездумно рисковать.

— Хорошо, — вздохнула дочь, а остальные поддерживали её кивками.

— Ну тогда за дело. Они сами себя не сделают! Чем быстрее закончим, тем легче станет жить. Давайте, не подведите! Я целиком полагаюсь на вас.

Дети нехотя побрели обратно к монастырю. Лишь один

задержался.

— Руслан? — Михаил посмотрел на черноволосого паренька в растрёпанной серой ушанке. — Что-то случилось?

Но казалось, тот ожидал вовсе не его. Руслан отчаянно моргнул, будто собираясь с духом, и выпалил:

— Софья! Возьми меня с собой! Я...

— Нет! — отрезала она, даже не дав договорить. — Никакого балласта. Никого, кто будет мне мешать и путаться под ногами.

— Но, Сова... — жалобно протянул Руслан. — Я не буду...

— Я всё сказала. — В её голосе не прозвучало ни единой нотки сомнения. — Как вернусь, обучу тебя чему захочешь. Хоть секретному приёму из джиу-джитсу.

— Правда? — уточнил он, но взгляд его потух. Очевидно, не этого он добивался. Теперь Руслан уходил, задумчиво сутулясь, подволакивая ноги и сжимая кулаки. Очевидно, в его юной голове бродили нехорошие мысли.

— Ведь нет никакого секретного приёма в джиу-джитсу, — заметил Михаил, когда парень скрылся из виду.

— Для того, кто ни разу не изучал джиу-джитсу, все приёмы — секретные, — Софья усмехнулась. — Но стоит начать разбираться в технике, и они станут самыми обычными.

— Эй, ребята! — крикнул Михаил подросткам, натягивавшим верёвки на столбах. Костя обернулся, вопросительно кивнул.

— Как закончите, возвращайтесь. Мы пока кое-что обсудим. — Михаил смотрел на них с твёрдой уверенностью. Эти четверо сбросили путы Черномора, выбрали его сторону и теперь уже не свернут с пути. Он кивнул Макаренко и двинулся к монастырю.

— Ты точно не передумаешь? — спросил он после короткого молчания.

В голосе звучала едва заметная надежда. Не как у лидера — как у человека, которому до боли не хватает поддержки. Софья была моложе его на пятнадцать лет, но единственной взрослой среди пятидесяти с лишним детей. Спутницей, способной хоть немного помочь. Но едва он произнёс эти слова, уже знал ответ.

— Точно, — спокойно ответила она. — Даже если задуманное стало невозможным, я бы всё равно не передумала.

Михаил печально усмехнулся.

— Наверное, это Бог так решил. Назначил меня отцом полусотни детей... но я до сих пор не представляю, как их воспитывать. Как их учить.

— Никто не знает... — вздохнула Сова, и её взгляд затуманился воспоминаниями. — Отец с ног сбился, пытаюсь отвадить меня от леса. Как только он ни объяснял, что там смертельно опасно... Но я была маленькой, и страх перед дикими зверями не шёл ни в какое сравнение с холодом и пустотой тёмного дома, когда отец уходил на охоту. Лес был живым, полным звуков, движения — там я чувствовала себя

свободной.

Она на мгновение замолчала, словно борясь с желанием не ворошить прошлое.

— Однажды я нашла котёнка. Маленький, серый, в пятнах, пушистый, как облачко... Представь. Мне не было страшно. Было только любопытство. Мы подружились — весь день играли, как счастливые, беззаботные создания. А потом пришла мать.

Софья сжала пальцы в кулак.

— Огромная серая кошка. Рысь. Их в наших местах полно. Я видела её страх за детёныша — впервые в жизни испытала новый, неведомый трепет. Она надвигалась на меня, медленно, бесшумно, но я знала: если бы потребовалось, она бы убила. Любая мать убьёт за своего ребёнка.

Она сделала глубокий вдох.

— Но этого не произошло. Рысь просто забрала котёнка. А потом... потом её застрелил мой отец.

Сова замолчала.

— Он не сделал этого сразу. Он выследил её и уничтожил, чтобы она никогда не стала для меня угрозой. А через несколько дней шкура этой рыси появилась у нас на стене. И тогда я поняла... — она посмотрела Михаилу прямо в глаза. — Человек, в отличие от зверя, не остановится, если его потомству грозит опасность.

Она слегка склонила голову, продолжая:

— Я знаю, через что ты прошёл. Знаю, что ты сделал ради

этих детей. Ты не просто бросился их спасать — ты остался с ними, учишь их, защищаешь. Ты нужен им. Ты на своём месте, Михаил. А я...

Она замолчала. Михаил тоже остановился, внимательно вглядываясь в её лицо.

Они как раз проходили мимо Успенского собора. Внутри дети разгребали завалы, вытаскивая мусор, уничтожая остатки пыточной Черномора. Из огромного здания выбежали подростки, таща всё, что попадалось под руку — гнилые доски, грязные матрасы, старые тряпки... Плавающая куча хлама во дворе росла, а они работали с каким-то мрачным рвением, словно смывая прошлое огнём. Но никто из них не обращал внимания на двух взрослых, замерших друг напротив друга.

— Я вернусь... если смогу, — негромко сказала Сова.

— Ты сможешь, — Михаил резко качнул головой, не давая ей возразить. — Впервые вижу такую упрямую и сильную девушку. Ты всех одолеешь.

Софья слегка улыбнулась.

— Всему есть предел, Миш. В том числе и моим умениям, привитым папой... Та секта орудует в Ярославле не первый год. Они знают, что делают. А я... одна.

— Ты вернёшься, — повторил он твёрдо. Сова открыла было рот, но Михаил не дал ей и слова вставить.

— Вернёшься! Мы тебя ждём! — он широко махнул рукой в сторону детей, выходивших из собора. — Пусть это

знание ведёт тебя. Словно мы — и есть Бог. Твои, мои, наши близкие. Они дают нам силу переносить невзгоды, творить невозможное, преодолевать боль. Именно люди, к которым мы привязаны, всевышняя сила, способная защищать и излечивать. Разве не так?

Лёгкий румянец тронул щёки Макаренко, обветренные студёным воздухом. Она посмотрела ему в глаза и кивнула.

— Хорошо. Тогда я вернусь. Но мне бы немного провианта и одежды... Долгий путь, и не хочется отвлекаться на поиск еды и охоту. Так быстрее обернусь.

— Конечно, — Михаил кивнул и бросил взгляд в сторону церкви Всех Святых, где некогда хозяйничал Кизляк. — У него там навалено всякого... И знаешь, мне кажется, церковь не так проста. Ну не мог Черномор со своим хозяином содержать столько детей, не имея запасов. Когда колокол упал и разнёс пол, там что-то треснуло. Я хотел позже изучить это место, но раз тебе срочно — идём сейчас.

Он усмехнулся.

— А если ничего не найдём... Алекса вечером кого-нибудь подстрелит. Она у нас охотница что надо. Выследит добычу, даже если та не захочет.

Они молча шагали мимо Успенского собора, направляясь к церкви Всех Святых. Сова украдкой взглянула на обзорную площадку между исполинских стен — именно через неё она когда-то забиралась наверх, чтобы проникнуть и захватить монастырь, а Руслан Озимов впервые видел звёзды. То-

гда небо, в первый раз за двадцать лет, прорвалось сквозь пелену угрюмых туч, и мальчишка, привыкший к вечному сумраку, смотрел на него с благоговейным ужасом.

Теперь же на площадке дежурил другой подросток. Он мельком оглянулся, заметил Сову с Михаилом и ненавязчиво махнул рукой. Михаил ответил кивком, и в следующий миг они шагнули в тень церкви Всех Святых. Прохоров поёжился.

Даже после смерти хозяина это место осталось неудобным, холодным — словно его стены впитали саму сущность Кизляка. Может, другому человеку оно показалось бы просто старым храмом, но Михаил знал, что это ложь. Здесь жил монстр, здесь он вершил свои ужасы, и теперь эти камни были отравлены, пропитаны чем-то скверным. Также, как и Успенский собор, ставший логовом Черномора. Нет, это место никогда не станет просто руинами. Оно навечно останется проклятым.

— Здесь он и лежал? — спросила Сова, входя внутрь. Её голос гулко отозвался в пустоте храма.

Посреди полуразрушенного зала валялась перевёрнутая железная койка. Сквозь закопчённые окна свет лишь слабо пробивался внутрь, словно он не желал касаться этих стен. Алюминиевые прутья кровати были скручены, выгнуты под обрушившейся на них страшной тяжестью. Это здесь, именно здесь на койку рухнул колокол, сокрушив Кизляка, словно сама божья кара, наконец, настигла его. Теперь сам коло-

кол, огромный и безмолвный, покоился у дальней стены.

После Последней войны, если не считать фанатиков-сектантов, верующих почти не осталось. И всё же, если и было в этом мире знамение, то именно это событие вполне заслуженно могло быть отнесено к оному — колокол, раздавивший чудовище в человеческом обликии.

Но Михаил вспомнил Катю, подвешенную за ноги. Смятение сдавило грудь, и он резко помотал головой, отгоняя навязчивую мысль.

— Да, — глухо ответил он. — Здесь он лежал. Здесь подвешивал детей. Здесь сцеживал их кровь. Себе. Заменял свою... протухшую, прогнившую. Чтобы подольше пожить, чтобы отнять детские годы, забрать себе. Он был мразью, но чувствовал себя здесь богом. Это его главная ошибка: он решил, что может жить дольше за счёт других.

Прохоров сплюнул на пол, пнул останки койки и с грохотом оттащил её в сторону.

— Вот гнида! — выдохнула Сова, обняв себя за плечи, будто пытаясь согреться. — Неужели война забрала всех нормальных, оставив после себя вот *это*? Куда ни глянь — одно отребье. Куда ни ступи — звери, ставящие капканы, чтобы пытать, мучить, уничтожать.

— Поверь, — кивнул Михаил, начиная подпрыгивать на деревянном полу, проверяя его на прочность, — я сам задаюсь этими вопросами.

Он внимательно прислушался к глухому стуку досок, про-

должая свои прыжки.

— Кизляк был жестоким человеком, но не глупым. Он всё делал с умом, и мне кажется, что он осознал свои действия. А всё это, — он обвёл рукой заваленный хламом храм, — просто камуфляж, прикрыtie. Он что-то скрывал даже от своего главного палача Черномора.

Сова медленно шла вдоль стен, рассматривая нагромождения мусора и обломков.

— Но он был один, — пробормотала она, задумчиво нахмурившись. — Ты говорил, что он был болен и не вставал с кровати. Тогда как он подвешивал детей? Откуда брал силы? Как удерживал колокол, одновременно вонзая себе иглу?

Она подняла глаза на Михаила.

— Что-то здесь не сходится.

Её слова повисли в мрачной тишине храма. Михаил замер, прекратив свои прыжки, и уставился на Сову. За её спиной начинался узкий захламлённый проход, терявшийся во мраке. Там, где не хватало света, темнота словно сгущалась, становясь плотнее, скрывая в себе что-то затаившееся.

— А ты права... — медленно кивнул Прохоров, но вдруг осёкся.

В дальнем конце прохода, в самой его глубине, где свет уже не пробивался, что-то шевельнулось. Тёмный силуэт, едва уловимое движение, словно само нутро тьмы дёрнулось, вырываясь из оцепенения.

— Туда! Там кто-то есть! — крикнул Михаил, а затем,

осознав, что делает, рывкнул: — Нет, стой! Вдруг он вооружён? Сова!

Но было поздно. Макаренко развернулась и, молнией метнувшись вперёд, исчезла в проходе. Она скользила между нагромождёнными стульями, шкафами и столами так, словно её тело подчинялось иным законам движения. Ловко изгибаясь, она избегала острых углов и торчащих ножек мебели, её силуэт растворился во мраке, оставив за собой лишь шорох.

Михаил чертыхнулся и кинулся следом. Но он был далеко не так быстр и проворен. Громоздкий и тяжёлый, он задевал каждую выступающую деталь. Одежда цеплялась за острые края, ткань рвалась, а сам он только злился больше.

— Открой! — раздался приглушённый голос Совы, в котором слышалось напряжение. К нему добавился металлический лязг, грубый, резкий, словно кто-то отчаянно дрался с кем-то на железных палках.

— Чёрт... — Михаил попытался ускориться, но фуфайка зацепилась за выступающую ножку стула, и он с треском вырвал из неё лоскут. Но сейчас было не до испорченной одежды.

— Твою мать! — раздалось в темноте. Голос Совы был хриплым, злым. — Твой хозяин... Кизляк... давно сдох! Не сопротивляйся! Мы поможем, приютим... Открой дверь, сука!

Михаил, вырвавшись из хватки мебели, влетел в часовню. Едва переступив порог, он зацепился за что-то похожее на

табурет, потерял равновесие и, ругаясь, рухнул на пол, подняв облако пыли и запах плесени. Но времени разлёживаться не было. Он тут же вскочил, оглядываясь в поисках Сова.

Справа, в тусклом свете, Михаил разглядел, как она вцепилась в массивную дверь с поворотным запорным механизмом. Ручка медленно, но неумолимо провернулась под чьи-то руками изнутри. Кто-то, скрывшийся по ту сторону, пытался запереть дверь, загерметизировать её. Если это случится, открыть её без взрывчатки будет невозможно.

— Чего ты катаешься по полу? — прорычала Сова, упираясь ногой в стену, чтобы удержать дверь. — Быстрее! Он сильный!

Михаил вскочил и вцепился в металл. Запорный механизм на мгновение дёрнулся назад. Сова стиснула зубы, их усилия удвоились. Дверь пошла... А потом существо за ней вдруг отпустило запор, и Сова с Михаилом, потеряв опору, рухнули на пол.

И тут же, в том узком просвете, который оставила открытая дверь, в искусственном свете, падающем из коридора, они увидели его.

Существо.

Высокая, перекошенная тень, человек, изуродованный до неузнаваемости. Его кожа была рваной, обожжённой или покорёженной чем-то ещё — покрытой бугристыми пятнами, шрамами, ожогами огромными шишками. Лицо оставалось в тени, но в глубине глаз вспыхнула злоба.

Оно что-то буркнуло — тихо, злобно, как зверь, предупреждающий, что его зря потревожили. А потом исчезло, нырнув в темноту туннеля.

— Это ещё что за уродец? — прошипела Сова, вставая на ноги и подходя к распахнутой двери. За ней вниз уходила лестница — крутые каменные ступени, осыпанные пылью. Внизу, в конце туннеля, мерцал слабый свет — старый светильник, качающийся в тени.

— Похоже на человека, изуродованного огнём или чем-то похуже, — пробормотал Михаил, поднимаясь. Они стояли у края тьмы, заглядывая вниз, туда, куда ушёл тот, кого они не успели остановить.

— По мне так совсем не похож, — тихо возразила Макаренко, скользя пальцами по запорному механизму. Металл был холодным, старым, но работоспособным. Она задумчиво оглядела проход. — Значит, под монастырём есть ещё один скрытый комплекс? Я видела такие в Вологде. Пустые, заброшенные, обезлюдевшие... Разграбленные. Часто затопленные водой.

— Похоже, что и под Приютом есть нечто подобное, — согласился Михаил, вглядываясь в проём. Внизу, за распахнутой дверью, мерцал неустойчивый свет. Лампочка, забытая временем, подрагивала в такт сквозняку. Влажные стены отливали ржавчиной. — Перед Последней Войной олигархи любили строить такие убежища. Кто-то прятался в глуши, кто-то выкапывал норы прямо под своими дворца-

ми... А кто-то, как, например, Кизляк, прикрывался меценатством. Вкладывался в реставрацию, восстанавливал культурные объекты, а под шумок оборудовал себе бункер. Чтобы не просто земля, но и вековые каменные стены укрывали его от катастрофы.

— Интересно... — протянула Сова, задумчиво изучая туннель. — Сколько их там? Жителей, в смысле.

— Должно быть немного, — пожал плечами Михаил. — Иначе о них давно знали бы. Особенно Фёдор с Семёном. Но они о таких вещах ни сном ни духом... Странно. Получается, Кизляк скрывал обитателей этого бункера даже от своих подельников?

— Не хотел, чтобы они знали? Чтобы не убили его?

— Сплошные вопросы, — пробормотал Михаил, делая шаг вперёд. — Но на них мы обязаны получить ответы...

— Стой, — оборвала его Сова. Она молча вынула из кобуры «Кедр» и протянула мужчине. Лёгкий пистолет-пулемёт с глушителем казался уместным в этом гнетущем месте. Сама же Макаренко достала из-за пояса широкий нож, тяжёлый, уверенно лежащий в её ладони.

— Держи, — бросила она. — Выяснять всякую дичь лучше при оружии.

— Это точно, — согласился Михаил, приводя пистолет в боевой режим. Но не успел он снова шагнуть вперёд, как девушка проскользнула мимо.

— Эй! Давай я первым...

Она задержалась на мгновение, прижимаясь к нему боком, тепло её тела скользнуло по его руке. Затем Сова усмехнулась:

— Ты ж не знаешь секретов джиу-джитсу!

И, не дожидаясь возражений, начала спускаться.

— Это нечестно! — возмутился Михаил, следуя за ней. Сова уже наклонялась к приоткрытой створке нижней гермодвери.

— Зато живым дольше останешься, — бросила она через плечо. — Ты забыл, что обещал детям? «Я... никогда, ни за что... не буду рисковать...»

— Я не так сказал! — огрызнулся Михаил, догоняя её. Но Макаренко уже убедилась, что за дверью их никто не поджидает. Она толкнула тяжёлую створку, и та со скрипом отворилась. За порогом их встретил длинный коридор.

Тусклый свет ламп дневного света дрожал, отбрасывая на стены неестественные тени. Мигающий свет создавал ощущение, будто пространство дышит, едва заметно пульсирует, словно подземный лабиринт был живым существом. Пол устилала грязь, в воздухе висел запах сырости, старого бетона и ржавчины. Двери, выходившие в коридор, зияли приоткрытыми проёмами. Их явно давно никто не запирали.

Сова шагнула в одну из них, осторожно заглянув внутрь.

— Слушай... — голос её стал задумчивым. — А наш «меченат» был не беден, когда строил всё это...

Михаил подошёл ближе и заглянул в полутёмное поме-

щение. Там, где ещё хватало света, возвышались ряды коробок. Стеллажи с банками тушёнки, блоками галет, мешками с крупами. На упаковках чёткими буквами были выбиты названия: «макароны», «гречка», «рис», «перловка». Поодаль стояли огромные пятилитровые бутылки с мутновато-жёлтой жидкостью — подсолнечным маслом.

— С учётом прошедшего времени тут ещё надолго хватит на всех детей, что у нас есть, — сказала Сова, скользя взглядом по припасам.

— Это точно... — Михаил приоткрыл дверь шире, стараясь рассмотреть дальний конец склада. Он терялся в густой темноте, заваленный бесчисленными мешками и коробками. — До войны я удивлялся, как много у людей было денег. Бабушки легко отдавали мошенникам сотни миллионов, дети разбрасывались наследством своих отцов-олигархов... Видимо, Кизляк был из той же породы. Уважаемый меценат, благодетель, а на деле — крыса, устроившая подземное царство для себя любимого.

Сова молча обвела взглядом помещение.

— Только вот он не учёл одного, — добавил Михаил. — Построить всё это тайно... Без шума... Да так, чтобы ни у кого не возникло вопросов... На такое нужны колоссальные деньги. И столько же взяток.

Они по очереди подошли к двум оставшимся дверям.

За первой оказалась комната, до потолка заставленная запечатанными тюками с одеждой. Фуфайки, спецовки, бер-

цы... Всё сложено аккуратно, как будто хозяин этого места рассчитывал на долгую осаду или... на что-то худшее.

За второй дверью раскинулся склад с оборудованием, странным и непонятным. Приборы с циферблатами, огромные пустые колбы, приборные панели, ещё не видевшие эксплуатации... Целые стенды, укутанные в целлофан, как музифицированные артефакты ушедшей эпохи.

— Это всё для чего? — тихо спросила Юлия, скользя взглядом по рядам неизвестных аппаратов.

— Судя по виду... медицинское или научное оборудование. Или и то, и другое сразу, — Михаил провёл ладонью по одному из запylённых мониторов. В углу стекла застыли древние следы пальцев. Чьих? — А вот для чего...

Он замолчал. Мысль оформлялась нехотя, цепляясь за подсказки. Подчинение воли детей... Слепое, безоговорочное... Как марионетки...

— Уж точно не для лечения, — мрачно закончил он. — Пойдём. Может, дальше станет понятнее.

Они покинули склад и продолжили путь по коридору, который сворачивал направо, затем вытягивался в узкий проход, уходящий вперёд ещё метров на пятьдесят.

На первой двери висела табличка: «ОХРАНА». Рядом — огромное окно, выходящее в пустую, пыльную комнату. Когда-то здесь стояли постовые, но теперь остались лишь следы на полу, где, должно быть, стояли стулья. Ржавый турникет замер у входа, словно последний страж, давно лишённый

смысла.

— Пусто, — подытожил Михаил. — А ведь раньше здесь была охрана... Может, этот чудик — из охраны?

— Ты видел его лицо? — с сомнением отозвалась Сова. — Скорее уж, Кизляк выловил его где-то в лесу...

Они двинулись дальше. Слева и справа открывались широкие окна, ведущие в помещения, чьи двери зияли в полутьме. За стеклом плясал приглушённый свет, позволяя рассмотреть содержимое.

Одна из комнат оказалась операционной. Несколько столов, стеклянные шкафы, заставленные склянками и хирургическими инструментами. В углу тускло поблёскивали массивные аппараты, похожие на КТ и МРТ.

— Что он тут делал? — сдавленно прошептал Михаил.

Дальше — ещё одно окно. За ним возвышались огромные колбы, подсвеченные изнутри. Одни пустые. Другие... Юлия резко замерла, пальцы мёртвой хваткой вцепились в локоть Михаила. Он ощутил её силу даже через несколько слоёв одежды.

— Ты это видишь? — её голос был хриплым, застывшим в горле.

Он увидел. Внутри двух заполненных жидкостью колб висели детские тела. Не живые, но и не разложившиеся. Консервированные.

Мальчики, не старше пяти-шести лет, парили в густой жидкости, как заблудшие души в ледяной бездне. Их чёр-

ные волосы не шевелились. Серебристые шланги, похожие на змей, извивались из основания капсул, пронзая их конечности и грудные клетки длинными, сверкающими иглами.

Михаил сглотнул, осознав увиденное. Он не мог понять, были ли дети живыми, когда их поместили сюда. Теперь же на стекле виднелся толстый слой пыли, а техника под колбами безмолвствовала.

— Опыты... — его голос звучал хрипло и отстранённо. — Он ставил опыты над детьми... И он растил их... нет... клонировал. Обрати внимание, у них нет пупка.

— Урод! — выдохнула Сова, сжав кулаки. — А что значит «клонировал»? Вытыкал колы? Эти серебристые шланги с острыми колями?

— Не... Как бы тебе объяснить. Клонирование — это создание детей без мамы и папы, что ли. Он выращивал их не в животе женщин, а прямо там — в этих колбах! Но почему он прекратил? — Михаил не мог отвести взгляд от этой сцены. — Он никого сюда не пускал... Что-то должно было произойти. Я никогда не поверю, что он свернул эксперименты добровольно.

Сова медленно кивнула.

— Может, нам расскажет этот? — она имела в виду человека, который прятался где-то в комплексе. — Стоит его найти. Вряд ли здесь есть кто-то ещё. Иначе нас бы уже встретили.

— Согласен, — Михаил оторвался от стекла и провёл ру-

кой по лицу, пытаясь избавиться от наваждения. — Да и если бы тут кто-то был... они бы уже показались. Особенно тогда, когда мы... — он кивнул назад, — брали монастырь.

Они продолжили путь. Коридор сужался, погружаясь во мрак. Где-то впереди мигал последний умирающий светильник, и полутёмное пространство раздваивалось, уходя двумя путями в неизвестность.

— Неужели люди на такое способны? — тихо пробормотала Софья, её голос звучал обессиленно. — Я многое видела в Вологде... Но чтобы законсервированные дети...

Михаил молча сжал рукоять пистолета. У него тоже были вопросы, и, похоже, ответы их ждали впереди.

— О-о-о... — протянул Михаил, качая головой. — Ты даже не представляешь, на что способны люди.

Он сделал несколько шагов вперёд, мрачно усмехнулся и, не глядя на Сову, продолжил:

— В две тысячи девятнадцатом американцы вырастили вирус в китайской лаборатории. Он вырвался, распространился по миру и за год убил семь миллионов человек. Учёные, лаборатории... Они там, за океаном, а мёртвые здесь. А в Африке? Было дело — под видом вакцинации они делали женщин бесплодными. Опять учёные, опять лаборатории.

Сова молчала, сжимая рукоять кинжала.

— Я не знаю, что происходило здесь, но, судя по всему, некий учёный... Скорее всего, сам Кизляк... ставил на детях опыты. И даже выращивал их, чтобы ставить эти опыты, —

Михаил обвёл взглядом полумрак коридора, словно надеясь, что стены подскажут ему разгадку. — Ради чего? На этот вопрос мы, наверное, никогда не получим ответа. Он унёс его с собой в могилу.

— А этот уродец? — тихо спросила Сова, перехватывая оружие поудобнее. Они как раз подошли к развилке коридора.

— Спросим. Если не убьём раньше. — Михаил вздохнул. Глухо, обречённо. Хотя в глубине души он уже знал — спрашивать он не хочет. И знать тоже.

— Тебе не показалось? — начала Сова, но осеклась.

Она боялась произнести это вслух. Михаил бросил на неё внимательный взгляд.

— Что мальчишки в колбах похожи друг на друга? И на кого-то ещё?

Они тревожно переглянулись.

— Скорее всего, — сказал он после паузы, — жидкость для консервации и толстое стекло исказили их черты. Если вытащить тела, окажется, что сходство случайно.

— Ты так думаешь? — голос Совы прозвучал неуверенно.

— Я думаю... что нам лучше молчать об этом. И уж точно никогда, *ни за что* не говорить мальчику. Ему и так хватило.

— Да... — шёпотом согласилась она. Михаил отвёл взгляд. Впереди разветвление. Слева — дверь. Справа — коридор, уходящий в темноту.

— Бункер, должно быть, занимает всю площадь под мо-

настырём, — задумчиво сказала Сова. Затем решительно: — Давай разделимся. Ты дверь проверь, а я посмотрю, что там.

— Может, вместе? — Михаил даже не пытался скрыть нежелание отпускать её одну. Сова едва заметно улыбнулась уголком губ.

— Страшишься?

— Нет, конечно, — буркнул он, скрестив руки на груди.

— Просто разумнее осмотреться вместе.

— Не хочу тратить время, — отмахнулась она и, не дождавсь возражений, двинулась вперёд. Что-то в её голосе насторожило Михаила. Станный азарт... Будто она нарочно избавлялась от него. Будто хотела поймать этого уродца *сама*.

— Хочу разобраться с этим побыстрее. Утром у меня поездка. Глянь, что там, и догоняй.

— Ладно... — нехотя согласился он. Но не двинулся с места. Он смотрел, как её силуэт растворяется в полутьме. Ему не хотелось прослыть трусом. Но он боялся. Не за себя. За неё. Что скрывается в конце коридора? Она, конечно, сильная. Боевая. Но... Михаил сглотнул и резко повернулся к двери.

— Так что же ты стоишь, дурень? — прошептал он самому себе. Пальцы легли на холодную ручку. — Быстро глянь — и за ней...

Обычная деревянная дверь, разохшаяся и покосившаяся, словно сама природа пыталась скрыть за ней что-то, что

не должно было увидеть дневной свет. Её явно не открывали уже много лет.

Михаил осторожно толкнул створку, и петли глухо скрипнули, словно в знак протеста. Внутри было темно. На ощупь он нашёл выключатель и щёлкнул им. Единственная уцелевшая лампа часто заморгала, словно из последних сил борясь со временем, а затем вспыхнула, осветив тесную каморку.

Заправленная койка, стол, заваленный бумагами, шкаф во всю стену, забитый папками, компьютер — устаревший, но, возможно, всё ещё рабочий.

На стене — фотографии. Молодой Кизляк, его черты ещё не огрубели от времени и жизненных решений. На заднем плане — здание МГУ. Учился ли он там? Хотя на снимке нет ни логотипов, ни указаний на принадлежность к университету — обычная прогулочная фотография, запечатлённый миг юности.

Рядом, в железной рамке под стеклом, висело письмо. Благодарственное.

«Кизляку Петру Васильевичу за огромный вклад в области изучения человеческого ДНК и создания на этой основе медицины будущего, способной значительно продлевать жизнь».

Подпись: *депутат Караев.*

Михаил присвистнул.

— О как... Продлевать жизнь... — прошептал он, скользя взглядом по пожелтевшей бумаге. Затем посмотрел вниз,

под стол, откуда на него уставился монитор. — Значит, ты у нас учёный с государственным грантом. И весь этот банкет... тьфу, бункер — за счёт бюджета? А твои дружки во власти знали, чем ты тут занимался? Или продление жизни оставил только себе? Хотя, конечно, вопрос риторический... Разве ж тебе выделили бы деньги, если не верили, что ты способен продлить им жизни?

Тишина. Только пыль, медленно кружащаяся в воздухе, словно призрачные следы прошлого. Михаил шагнул к компьютеру, собираясь разобраться с забытым механизмом. Может быть, удастся его включить? Найти хоть какие-то файлы, черновые записи, улики?

Но в этот момент тишину разорвал грохот. Резкий, хлесткий, словно сама подземельная тьма взорвалась от удара. Мгновение — и Михаил уже мчался на звук, крепко сжимая в руке «Кедр».

Коридор вытянулся, стал бесконечным, каждый шаг казался замедленным. Сердце глухо стучало в рёбрах, с каждым ударом наполняя тело раскалённым свинцом тревоги. Воздух пах гарью и пылью — запахом разрушения.

Ругань Совы. Звон разбивающейся посуды. Глухие удары, отдающиеся эхом в каменных стенах. Он влетел в помещение, и мир перед ним взорвался безумием. Столовая. Но теперь — поле боя. Перевернутые столы, разлетевшаяся в щепки мебель, обрывки ткани, сверкающие осколки разбитых тарелок, похожие на льдинки.

В центре хаоса — Сова.

Она сражалась. С тенью. Нет, с чудовищем.

Оно возвышалось над ней, скрюченное, уродливое, но пугающе ловкое. Длинные, жилистые, как стальные канаты, руки рассекали воздух. Лицо, покрытое рубцами и наростами, напоминало каменную маску — маску из кошмаров. В глазах — ни проблеска разума. Лишь бешеная, животная ярость.

Сова метнула нож. Лезвие сверкнуло, но горбун, словно чувствуя угрозу кожей, резко дёрнулся в сторону. Острие вонзилось в стену, жалобно зазвенев.

Она попыталась зайти сбоку, обманным манёвром — но он оказался быстрее. Его лапа ухватила её за запястье, и, словно тряпичную куклу, он метнул её через стол. Дерево хрустнуло, фарфор разлетелся, воздух наполнился облаком пыли.

Михаил не раздумывал. Он поднял «Кедр» и нажал на спуск, но в последний момент отвёл пистолет, когда чудовище встало на одну линию с Макаренко. Пули высекли искры из стен чуть в стороне.

Сова перекатилась через плечо и с трудом встала на ноги, едва удержав равновесие. Её грудь судорожно вздымалась, а в горле стоял горький привкус крови — она искусала губы до крови, но сейчас это было не важно. В её глазах пылала мрачная решимость, затмевающая боль и страх.

Михаил сделал шаг вперёд, но в этот момент чудовище снова ринулось в атаку. Они столкнулись, словно два смерча,

закрученные в центре урагана.

Сова двигалась стремительно, бросалась в низкие атаки, пытаясь прорваться сквозь его защиту, но каждый раз натывалась на непоколебимую стену силы. Горбун отбивал удары, словно чугунное изваяние, не чувствуя ни боли, ни усталости.

И вдруг — глухой звук удара. Его кулак врезался ей в бок. Воздух вырвался из лёгких вместе с болезненным хрипом, и девушка рухнула на одно колено. Горбун не дал ей передышки. Его пальцы, грубые и сильные, как тиски, сомкнулись у неё на горле, и в следующее мгновение он поднял её в воздух.

Сова забилась в его хватке, задыхаясь. Её пальцы лихорадочно царапали его руку, но безрезультатно — захват был неумолим, как смерть. Её лицо наливалось багровым, губы приоткрылись в беззвучном крике, а в глазах мелькнул ужас.

Михаил вскинул «Кедр». Но пальцы его дрожали. Выстрелить? Секунда промедления могла стоить ей жизни... но если он промахнётся?

— Пусти её! — его голос прозвучал низко, срываясь на рык.

Горбун скосил взгляд, ухмыльнулся. Давление на горло Совы усилилось. Она дёрнулась, её зрачки расширились, воздух в лёгких заканчивался. Но даже сейчас, балансируя на грани смерти, она не собиралась сдаваться.

Собрав последние силы, девушка резко согнула ногу и забила её в пах противника. Внезапно. Жёстко. Горбун взре-

вел. Его хватка ослабла. Михаил выстрелил.

Глухие хлопки разорвали тишину. Глушитель не дал звуку разлететься по бункеру.

Пули вошли в плечо чудовища, вырвав из него куски плоти и сгустки тёмной крови. Оно отшатнулось, но не упало. Напротив — в его глазах вспыхнул дикий, первобытный гнев. Оно развернулось к мужчине. Мышцы перекачивались под кожей, челюсти сжались, тело напряглось — ещё секунда, и оно бросится вперёд...

Выстрелы.

Ещё и ещё.

Горбун дёрнулся. Пули вонзились в грудь, с треском пробив грудину. Монстр замер. В глазах его мелькнуло странное осознание... Затем тень смерти скользнула по его лицу.

Он рухнул. Пол сотрясся от удара. Последний, хриплый вдох — и тишина. Михаил с шумным выдохом опустил оружие и бросился к Сове. Она лежала на полу, держась за горло, кашляя.

— Ты в порядке?

Она медленно подняла взгляд, попыталась усмехнуться, но лишь выдохнула:

— Дай... отдышаться...

Михаил опустился рядом, осторожно помогая ей сесть. Её руки дрожали, но в глазах по-прежнему была только решимость.

— Ты точно уверена, что хочешь идти одна на нефтяни-

ков? — в его голосе было больше беспокойства, чем он собирался показать.

Сова медленно провела рукой по горлу, зябко поёжилась и взглянула на поверженное чудовище.

— Теперь... нет, — выдохнула она, голос её сорвался на хриплый шёпот. Девушка с трудом поднялась на ноги, Михаил последовал её примеру. Тяжёлый, спёртый воздух бункера, казалось, сгустился, пропитавшись запахом смерти. Теперь они знали — это место не просто хранилище тайн. Оно было пропитано смертью, словно губка водой. И, возможно, та, что поджидала их впереди, была куда страшнее той, что распростёрлась у их ног, скорчившись в неестественной позе.

— Он... очень сильный, — произнесла Макаренко, машинально потирая шею, словно пытаясь избавиться от фантомной боли. — Невероятно сильный... для обычного человека.

У их ног лежало тело уродца, скрюченное в позе эмбриона. Михаилу было трудно поверить, что перед ним останки человека. Странное, будто вывернутое наизнанку лицо вызывало отвращение и заставляло отвести взгляд. Комбинезон, явно взятый на складе у входа, сидел на мощном торсе существа мешковато, а на спине и вовсе разошёлся, не в силах сдержать растущий горб. Разорванный пулями на груди, он порвался до самого низа, и Прохоров разглядел, что у него тоже не было пупка.

— Невус и, похоже, раковая опухоль, в которую он начал

обращаться давным-давно, — пробормотал Михаил, присев рядом с телом и осторожно осматривая горб. — На спине, видимо, тоже... Я, конечно, не врач, но... невус-то узнать могу. Однажды ребёнка с ним по телевизору показывали. А у этого... несчастного...

— Несчастного? — возмутилась Сова, её голос дрогнул от негодования. — Это он-то несчастный? Этот монстр?

— Полагаю, тут был один монстр, — тихо, но твёрдо возразил Михаил, не сводя взгляда с лица девушки. — И это не этот человек. А тот, кто с ним это сделал. Кизляк, то есть. А этого создал, да не совсем...

— Но... — попыталась возразить Сова, но Прохоров лишь покачал головой, словно отгоняя ненужные слова. — Как это «создал»?

— Он один тут играл в бога. Кажется, это он ставил эксперименты на людях, как с теми мальчиками. И этого... уродца, думаю, тоже он вырастил. В пробирке — видела же колбы, где дети? Вот. И этот оттуда. Но недоделанный — организм пошёл вразнос. Клетки начали бесконтрольно делиться и... вуаля. А потом, когда что-то пошло не по плану здесь, он спрятал беднягу и не показывал его своим друзьям наверху, потому что... не знаю... Боялся? Или стыдился? Боялся показать, что несмотря на то, что он великий генетик, не может слепить нормального человека? Думаю, он боялся потерять авторитет в глазах Фёдора с Семёном. А Черномором хоть и управлял, опасался его реакции на неудачный эксперимент.

Один монстр мог выйти из-под контроля, заведя другого.

— Как скажешь, — Сова пожала плечами, словно сбрасывая с себя груз чужих домыслов. — Меня больше интересует, что если этих «бедняжек» тут больше?

Михаил медленно огляделся. Перевернутые столы, разбросанная по полу посуда и стулья, словно после поспешного бегства. Справа — тускло блестящее окошко выдачи, ведущее на небольшую кухню. Дальше — тёмный зев двери, ведущей в неизвестность. Он поднял одну из тарелок, валявшихся на полу, и показал девушке.

— Маленькие, — произнёс он, проводя пальцем по краю тарелки. — Детские. И тут всё такое... Даже мебель. Стулья небольшие, столы тоже. Думаю, наш горбун оставался здесь один. Когда что-то у Кизляка не выгорело здесь, он перебрался наверх. Ну... не знаю, может, накладно было поддерживать оборудование в рабочем состоянии. Например, осталось мало солярки для генератора. Он оставил здесь только дежурное освещение, которое запитывается от генератора, что наверху, и оставил тут этого несчастного. Горбун-то ему и помогал. Скрытно подносил продукты, вещи, ставил капельницы, подвешивал детей... Этакий невидимый, сильный и нужный помощник, который не может отказать... Отцу?

— Это... его сын? — удивилась Макаренко, её глаза расширились от недоверия. Михаил пожал плечами, но потом неуверенно кивнул.

— Скорее всего, — в голосе его прозвучала печаль. — У него явно была привязанность к Кизляку. Дообследуем?

Сова кивнула, и они, стараясь не смотреть на тело, направились к двери, минуя полутёмную столовую. Горы жестяных банок, сваленные в углу, безмолвно свидетельствовали о том, что горбун посудой не пользовался, предпочитая уминать еду прямо из консервных банок, словно дикий зверь. Холодный, металлический привкус страха смешался с запахом запустения и гнили.

Следующая комната, в которую они попали, представляла собой импровизированную игровую. На полу валялись детские игрушки, словно разбросанные небрежной рукой великана. Здесь были куклы с выцветшими лицами и оторванными конечностями, ржавые машинки, разноцветные кубики и россыпи деталей конструктора.

Михаил и Сова осторожно переступали через этот хаос, и их сердца болезненно сжимались в предчувствии чего-то страшного. Что здесь произошло много лет назад? Почему здесь так много следов детского присутствия, но самих детей нет? Вопросы, словно колючие осколки, впивались в их сознание.

Дальняя дверь вывела их в узкий и тёмный коридор, похожий на кишку. Слева располагались душевые кабины с облупившейся плиткой и ржавыми кранами, которые намертво заклинило. Рядом находились туалеты с разбитыми унитазами. А справа...

— Это спальня? — неуверенно спросила Макаренко, рассматривая ржавые двухъярусные койки, выстроившиеся вдоль стены. На них всё ещё лежали матрасы, почерневшие от плесени и времени, словно истлевшие трупы.

— Да, — глухо ответил Михаил, медленно идя вдоль коридора, словно пытаясь разглядеть в полумраке призраков прошлого. Он тщился понять, что здесь могло произойти на самом деле, и почему это место теперь — лишь безмолвный памятник чьей-то трагедии.

— Что здесь случилось? — прошептала Сова, её голос дрожал, отражаясь от голых стен. Она оглядывала помещение, словно надеясь найти ответ в каждом тёмном углу.

— Он пришёл за ними, — прошептал в ответ Михаил, его голос звучал едва слышно, словно он боялся нарушить тишину, хранившую страшную тайну. Он остановился рядом с выцарапанной на стене надписью и провёл рукой по неровным, выскобленным на штукатурке буквам, словно пытаясь ощутить боль и страх, вложенные в них.

«Нас осталось двое из двадцати пяти. Это последняя ночь. Скоро он придёт за нами...»

Детский, корявый почерк. Необъяснимо жуткая и трагичная надпись, словно крик о помощи, застывший во времени.

— Кто пришёл? За кем? — Софья вглядывалась в надпись, пытаясь разобрать слова, но смысл ускользал от неё, окутанный пеленой ужаса.

— Кизляк, — мрачно ответил Прохоров, и в его голо-

се прозвучала ледяная уверенность. — За своими детьми. И, боюсь, когда-то давно здесь разыгралась страшная трагедия... Слишком страшная, чтобы о ней можно было говорить вслух.

Глава 6. Чудной разговор

Мощный двигатель под чёрным капотом издавал приглушённый гул, словно механический зверь, почуявший добычу и ощутивший радость от запаха её крови. «Хаммер» плавно двигался по Ярославскому шоссе, минуя некогда непроходимые заторы, которые могли бы свести с ума любого водителя, но теперь, спустя двадцать лет, они превратились в ржавые кладбища машин. Выжившие давно растащили автомобили к обочинам, проложив новый путь среди искорёженных остовов.

Чёрный капот, словно нос корабля, лениво поворачивал то влево, то вправо, лавируя между заснеженными металлическими обломками. На улице было холодно, но в салоне царила сухость и уютное тепло. Дворники раз за разом смахивали налипший снег, открывая узкое окно в безмолвную, сверкающую белоснежным покрывалом осень. Дорога шла через угрюмый смешанный лес, укутанный белым саваном, и лишь редкие остовы машин напоминали о том, что когда-то мир захлестнула Великая и Ужасная Катастрофа, уничтожившая всё живое... Ну, почти всё.

Некоторые выжили и, словно забыв о причинах, по которым началась война, продолжили дело своих мёртвых предков — убивали и охотились друг на друга, превращая руины в новые поля сражений.

Софья Макаренко мрачно сжала руль, впиваясь ногтями в тёплую кожу обшивки. Злость — привычная, обволакивающая, давно укоренившаяся в её душе — снова наполнила её, поднялась из глубин, куда девушка отправила её до лучших времён. И вот, наконец, они наступили. Те твари, что вломились в их с отцом тихий, уединённый мир, и разрушили жизнь, которую её отец так старательно строил вдали от выживших, всё ещё дышали. Всё ещё ходили по земле. Она забыла о мести на несколько длинных дней, погружённая в другую, не менее важную войну, отвлечённая от собственной цели заботой о детях. Но сейчас короткий миг затишья после маленькой, но очень важной победы подходил к концу.

Сова не простила и уж тем более ничего не забыла. И теперь Софья могла вернуться к мести, которая обязательно должна завершиться карой для посмеявших убить её отца.

Она забрала «Хаммер» от корабля, лежащего на берегу Плещеева озера, пригнала его в «Приют», заправила и набила припасами, которые они вместе с Михаилом нашли в покинутом бункере под монастырём. И вот теперь Сова снова в пути. С новыми силами, с холодной и ясно мыслящей головой, со старыми планами, но с новыми схемами их осуществления.

Но не со спокойной душой.

Сова совсем не ожидала, что дети вызовут в ней нечто большее, чем удовлетворение от помощи. Но их запавшие глаза, слишком взрослые для такого возраста взгляды, их

благодарные, дрожащие голоса... Когда они прощались с ней, что-то глухо ныло в груди. Нестерпимый зуд, почти физическая боль. Девушка скривила губы, пытаясь скрыть свои чувства, но горло свело, пальцы дрожали, а застывший взгляд цеплялся за детские лица, когда она хотела отвернуться. Но долго не могла этого сделать. Стояла и смотрела, а они окружили Макаренко и ждали чего-то от неё, махали руками, гомонили, смотрели своими не по-детски серьёзными глазами...

Но Софья, сильная, упрямая и жёсткая, не могла позволить себе остаться. Не сейчас. Сначала — месть. А потом... Потом можно будет вернуться. Возможно, даже подумать о своём счастье. О своём настоящем и... будущем.

Девушка тяжело вздохнула.

Где ещё задуматься о рождении ребёнка, как не в глухом, заснеженном мире, вдаль от любого мужчины? В чёрном «Хаммере», — трофее, некогда отобранном у бандитов, — пересекающем белые безмолвные пустоши и продирающемся через давно высохшие усопшие леса. Самое романтическое место в мире...

Раньше такие мысли не посещали девушку. Ещё бы! В её жизни был только один настоящий мужчина — отец. А потом появились они — бандиты-нефтяники. Гниды, обирающие свободные земли, превращающие их в сырьё для своего проклятого общества. Они грабили, убивали, загоняли людей в рабство. Среди них не было ни одного мужчины, к ко-

торому можно было бы даже теоретически испытать что-то, кроме яростного отвращения. А отвращение — полезная во время войны штука. Оно делает движения быстрыми, удары — безжалостными, а месть — сладкой. Отвращение избавляет человека от ненужных мук совести.

Софья с радостью наносила удары и резала этих людей. Она взрывала их склады с горючим и отбирала детей, которых они удерживали в приюте. К сожалению, ей не удалось уничтожить всех, но это было лишь вопросом времени.

Пришла пора вернуться в Ярославль и завершить начатое. Больше не будет никаких отклонений от намеченного плана, никаких отвлекающих факторов. Хватит ходить вокруг да около. Отомстить — и уйти. А уже потом можно будет вернуться к детям. И, возможно, даже родить своего.

Эта мысль появилась неожиданно и слегка обескуражила её.

Софья стиснула зубы, сжала губы и нахмурилась. Чёрт, как же не вовремя! Она не должна даже думать об этом, пока земля ещё горит под ногами убийц её отца! Но в голове уже всплывали лица детей — маленькие, измождённые, серьёзные, слишком взрослые для своих лет. Пятьдесят сирот провожали её у ворот Горицкого монастыря в Переславле. Пятьдесят детей.

И Михаил — единственный мужчина в известном Софье мире, с которым можно было бы создать семью. Но у него уже пятеро своих детей и полсотни приёмных.

Софья раздражённо дёрнула головой, словно пытаюсь вытряхнуть эти мысли из головы. Не время! Ни слёзы, ни мечты, ни размышления о ребёнке и потенциальном отце! Пока не свершится месть, пока для детей не станет безопасней в этом мире, нужно действовать быстро. Откладывать месть — значит, в итоге, остыть, притупить боль, позволить жизни закрутить тебя в водовороте серых будней. А там, глядишь, и вовсе отпустит.

Нет. Сначала нефтяники. А потом — Переславль, дети, может быть, Михаил. Возможно, любовь. Вероятно, ребёнок...

Сова фыркнула, втянула носом воздух и вытерла предательскую влагу с глаз. Одной рукой она держала руль, а другой повернула зеркало заднего вида. Выбрав участок дороги, где можно было не лавировать между искорёженными машинами, она посмотрела на себя.

В глазах — упрямая сталь. Ведь Макаренко — дочь своего отца. Она выдержит и отомстит. И развесит головы ублюдков вдоль Ярославского шоссе, чтобы ни у одной мрази в радиусе сотен километров не возникло даже мысли сунуться к детям. Никогда!

Макаренко плавно объехала очередную груду металлолома, хаотично сваленную посреди обледенелой дороги, и краем глаза снова взглянула в зеркало заднего вида. В полумраке салона темнел нагромождённый хаос мешков — одежда, провизия, всё то, что они с Михаилом Прохоровым вынес-

ли из бункера под Горицким монастырём, когда отправили Черномора с Кизляком на тот свет. Но что-то в этом беспорядке показалось Софье неправильным.

Она напряглась, сузила глаза. Что-то... или кто-то неучтённый затаился среди баулов!

Не раздумывая, Макаренко резко вдавила педаль тормоза в пол. «Хаммер» взвизгнул, шины заскользили по снежной каше и скрытому под ней льду, сзади накатилась лавина вещей и коробок, прежде чем машина с рывком замерла. Мешки и баулы, лишённые равновесия, хаотично ринулись вперёд, с глухими ударами сминаясь друг о друга.

И тут же рядом с ними появился кто-то ещё.

Сова отреагировала мгновенно. Она схватила незнакомца за воротник и с силой дёрнула на себя, вытаскивая его из кучи вещей. Другая её рука уже наносила удары — короткие, точные и выверенные. Незнакомец попытался вырваться, инстинктивно лягаясь, но силы были неравны. Спустя несколько мгновений он взвизгнул:

— Стой! Сова! Стой! Пожалуйста-а-а-а!

Тонкий детский голос пронзил воздух, словно выстрел. Софья резко остановилась. Всклопоченное тело в её руках вздрогнуло. Она рывком вытащила незваного пассажира из-под мешков — и встретилась взглядом с двумя испуганными, но упрямыми чёрными глазами.

Это был Руслан Озимов, дерзкий, упрямый и своенравный, как сто чертят, двенадцатилетний мальчишка. Софья

недоверчиво выдохнула:

— Ты...

Руслан поморщился, потирая ушибленный Совой бок, но тут же вздёрнул подбородок:

— Ты обещала научить меня стрелять из снайперки! И... и... а... потом джиу-джитсу! Ты обещала!

— Ты... — у Макаренко от возмущения на миг перехватило дыхание. Потом она рявкнула: — Да ты с кукухой-то дружишь, а?!

Руслан съёжился, но всё же буркнул:

— Дружу...

— А по-моему — нет!

— А по-моему — да! — парировал мальчишка, храбро встречая её взгляд. — Как мне ещё уговорить тебя взять меня с собой, а?

Софья нахмурилась:

— И ради этого ты забрался в «Хаммер»?

— Да!

Она резко толкнула его обратно на сиденье. Руслан взялся за мешки, снова рассовывая их вокруг себя и заталкивая назад, будто намереваясь окопаться.

— Ты должна взять меня с собой! — не унимался мальчишка. — Я не хочу оставаться, я не хочу разбирать храм Черноморова, и не хочу участвовать в унылой жизни Приюта, пока есть опасность *их* нападения!

Сова стиснула зубы:

— Нет! — рывкнула она. — Нет! Я должна ехать к нефтяникам! Я должна их убить! А ты... ты будешь только мешать! Ты удержишь меня! А это неприемлемо! Ты это понимаешь, сопляк?

— Понимаю! — воскликнул Руслан, сжимая кулаки. — Они убьют тебя! А что станется с нами? Кто нас защитит? Пока они есть, я не могу сидеть здесь. Пока ты там... одна... за нас за всех отдуваешься... Я не могу...

Где-то в глубине её души дрогнула струна жалости, но Софья подавила это чувство. Она молчала, сжимая руль так, что побелели костяшки. Дерьмо. Проклятое дерьмо! Наконец, стиснув зубы, она выдохнула и сказала спокойным, но угрожающе тихим голосом:

— Руслан, выжившие не умирают просто так. Михаила хватит, чтобы позаботиться о вас, пока я... А я позабочусь о вас на расстоянии. Там, в Ярославле, будет жестокая расправа над страшными людьми, которые могут прийти за вами. И тот, кто не умеет драться... а это ты, и не перебивай! Тот станет лишь обузой. А я хочу поскорее с этим разобраться, чтобы это дело бесконечно не висело тяжким грузом на мне, и ужасным монстром над вами. И никто не умрёт, если сделать всё быстро и правильно, а вот если...

Мальчишка взглянул на неё исподлобья, но не произнёс ни слова. Софья, пытаясь подобрать нужные слова, откинулась на спинку водительского сиденья и произнесла:

— Люди, Руслан, умирают только тогда, когда совершают

глупости.

— Например, когда прячутся в машине, направляющей-ся к нефтяникам? — пробормотал Руслан, потирая ушиб-ленный бок и зудящую от лещей шею. Сова усмехнулась, но быстро стёрла улыбку с лица.

— Например, когда лезут туда, куда не просят.

Руслан нахмурился, но не сдавался:

— И что? Ты собираешься меня выгнать?

Софья молчала, барабанила пальцами по рулю. Безумный мальчишка, упрямый, как сто чертей. Она знала, что он прав. Если с ней что-то случится, Михаил останется один. И она также понимала, что если бы осталась, то могла бы помочь ему. Но месть...

Месть больше не могла откладываться.

— Я должна закончить это, Руслан, — наконец, произнес-ла она, не поворачивая головы. — Что станет с вами, если я их не убью? А? Вы же были в плену у этих... тварей! Вы можете себе представить, что будет. Ну?

Голос Софьи был глух и твёрд, как сталь. Она пристально смотрела на мальчишку, её карие глаза горели, отражая туск-лый свет с улицы. Крупный снег кружился за стеклом, вновь спрятав солнце за низкими тучами. Но он же заливал каби-ну холодным светом. Последние двадцать лет солнце вообще взяло за правило прятаться, и только в последний год иногда выглядывало, словно дразня выживших. Руслан затаил ды-хание, но не отвёл взгляда.

— Ну? Представь! — продолжила она, с вызовом подаваясь вперёд. — Вы победили в одной мелкой битве, прикончили Черномора и Кизляка — и что? Думаешь, всё? Рай наступил? Все беды обойдут вас стороной? Но нефтяники-то куда не делись! Ты это понимаешь? Те, кто покупал у Кизляка детей для боевой службы, ещё живы! И они ждут от «Приюта забытых душ» пополнения. Понимаешь?

Она резко ткнула пальцем в заледеневшее стекло, за которым нескончаемыми вихрями носило снежную пыль.

— Я еду мстить нефтяникам за отца! Да! И никто меня не остановит! — её голос был как хлёсткий удар. — Но это не просто месть. Это война. Когда эти мрази узнают, что их мерзкие угнетатели детей потеряли школу, потеряли город, потеряли всё — они не простят. Они придут! Они придут с огнём и железом! Они сравняют с землёй Переславль-Залесский, разнесут «Приют забытых душ» по брёвнышку! И всё это случится, если я не остановлю их первой! Ты понимаешь?

Озимов медленно кивнул, но страха в его взгляде не появилось.

— Не называй его так, — тихо попросил он.

Софья нахмурилась.

— Кого? Черномора? Кизляка? Нефтяников?

— Приют, — прошептал мальчишка, глядя куда-то в окно, в водоворот падающих снежинок. — Мы больше не забытые души. У нас есть Михаил... и ты... Пока есть...

Макаренко застыла, её рука бессознательно сжала руль.
— А как тогда?

Руслан задумался. Несколько секунд молчания, тяжёлого, вязкого. Затем, не отводя взгляда от белого вихря за стеклом, он твёрдо произнёс:

— «Приют свободы».

Софья медленно кивнула.

— Ладно. Но если я не поеду... нефтяники явятся к Михаилу и к вам. И знаете, что будет? Они снова превратят «Приют свободы» в «Приют *забытых* душ»... если раньше не решат просто сжечь его дотла. Ты понимаешь? Ты этого хочешь? Пойми, я должна уничтожить их раньше, чем они решат повернуть мясорубку вспять и вернуть «Приюту свободы» былое название. И ты... в этом походе лишний. Я не могу одновременно заниматься и нефтяниками, и тобой. Как говорится, за двумя зайцами погонишься... И если я буду нянчиться с тобой, то не справлюсь с нефтяниками, а если заниматься ими, то могу потерять тебя...

Руслан угрюмо кивнул, но его губы сжались в тонкую упрямую линию, что не понравилось Сове. Он бросил на девушку взгляд исподлобья и твёрдо сказал:

— Не надо со мной нянчиться. Я сам о себе позабочусь. Поэтому я еду с тобой.

— Нет, — отрезала Сова.

— Да почему?

— Потому что там будет боль, кровь и смерть! — Она сно-

ва ткнула пальцем в сторону Ярославля. — Там будет много-много трупов, Руслан!

— А здесь их не будет? — взорвался он, голос дрожал от гнева. — Ты правда так думаешь?

Софья прикусила язык.

— Там тоже смерть и боль! — выкрикнул мальчишка с надрывом в голосе. — Для меня — уж точно! Там убили Катю!

Она видела, как у него задрожали пальцы, как судорожно дёрнулись уголки губ. Так вот в чём настоящая причина! Он держал внутри боль от потери девочки и не мог оставаться там, не чувствуя этого.

— Я не могу... — его голос сорвался, он сжал кулаки.

— Можешь, — твёрдо сказала Софья. Как бы то ни было, но в Ярославле будет опасней и много страшнее. Так что ребёнку просто стоит пережить эту хоть и сильную, но временную боль.

— Не. Мо. Гу. — Его глаза сверкнули, и он закричал: — Слышишь? Я не могу там находиться! Я не могу просто сидеть и ждать, когда они явятся за нами! Лучше я пойду с тобой и буду мстить! За Катю!

Софья молчала слишком долго, вглядываясь в лицо мальчишки. Ей было до боли знакомо это чувство. Это жгучее, обжигающее желание размазать по земле любого ублюдка, хоть как-то причастного к гибели дорогого человека. Так же, как знаком был и страх. Не страх смерти. А страх бессилия.

Но!

Минусов от того, что Руслан поедет с ней, было намного больше. Во-первых, он маленький! Как и во-вторых, и в-третьих!

Софья стиснула зубы. Она не хочет таскать за собой мальчишку. Не хочет! Он будет путаться под ногами, мешать, сбивать с толку. И вообще... Она привыкла работать одна. Привыкла рисковать только своей шкурой. Подставлять чужую, пусть и глупую, пусть и жаждущую мести, она не собиралась.

Решено. Девушка резко вдавила кнопку зажигания, и «Хаммер» взревел, словно пробудившийся зверь. Снежинки, успевшие застлать капот ровным ковром, встрепенулись и закружились в воздухе, испуганные горячим дыханием двигателя. Руслан расплылся в довольной ухмылке — он уже было решил, что Сова сдалась. Что она берёт его с собой.

Но, увы. Софья резко вдавила педаль газа, развернув машину в сторону Переславля-Залесского — прочь от Ярославля, прочь от их жарких споров. Колёса скользнули по снежной каше, описывая полукруг вокруг двух вертикально поставленных автомобилей — будто гигант-ребёнок когда-то сложил их в пирамидку и забыл.

— Нет! Сова! Нет! — взорвался Руслан, вдруг осознав, что она не собирается его брать.

Он бросился вперёд, вцепился в её руку, мешая рулить. Софья поморщилась от досады и, не рассчитав силу, резко

оттолкнула его. Мальчишка отлетел назад, ударился головой о металлический каркас и осел, потеряв ушибленный затылок.

Руслан поднял на неё взгляд — обиженный, злобный, исподлбья. Волчонок, которого выгнали из стаи. Губы сжаты, брови сведены, лицо напряжено. Будто он не ожидал от неё такого предательства. Макаренко мотнула головой, словно говоря: «Не стоит об этом», и вдруг резко затормозила.

По салону разлился холод, хотя печка работала на полную мощность. Руслан тяжело дышал, стараясь сдержать гнев и слезы, но тут он заметил, что Софья замерла и побледнела. Она смотрела на дорогу слишком долго и напряжённо.

— Сова? — тихо позвал он.

Она не ответила. Руслан не видел, что происходит впереди, но её поза пугала. Сильная, решительная, всегда готовая к бою, она не могла просто сидеть и смотреть, хлопая глазами. Значит, там что-то по-настоящему страшное.

Мальчишка осторожно приподнялся, заглянул поверх мешка с провизией и увидел... Фигуру. Человек стоял в заснеженном лесу, среди покорёженных машин и чёрных скелетов деревьев, мёртвых, как само время. И что-то было в нём не так.

Руслан не мог сказать, что именно, но внезапно по спине побежали мурашки, а в груди разлился леденящий страх. Тень капюшона скрывала лицо, но он чувствовал взгляд этого существа. Ощущал, как он проникает внутрь, глубже и

глубже, будто вытягивая душу из его хрупкого тела.

— Чего не едешь? — прошипел Руслан. Он не хотел шипеть, но страх сжал горло так, что из него вырывались только сдавленные, шипящие звуки.

— Нельзя... — ответила Сова почти беззвучно, её голос утонул в тихом дыхании печки.

— Как это — нельзя? — мальчишка вскинулся, пытаясь говорить громче, но паника душила его. — Оно... Он... Он же хочет нас съесть!

Он не знал, почему так решил. Просто знал. Как будто кто-то древний, давно мёртвый, нашёптывал это на ухо.

— Да никто тебя есть не будет! — раздражённо отмахнулась Софья, не отводя взгляда от тёмной фигуры. — Максимум заберёт к себе в Ростов и будет...

— Что? — сердце Руслана подпрыгнуло в груди. «Будет»... Какое страшное, прямо ужасное слово. В голове замелькали кошмары, которые он даже не смог бы описать словами, спроси его кто-нибудь о них.

— Ты уверена, что его не раздавишь? — глухо спросил он. — Может, проедем по...

— Уверена, — ответила Макаренко, но её голос был пустым, словно она сама в это не верила. Она чего-то ждала. Но оружие не доставала.

— Слушай! — вдруг встрепенулся Руслан. — Я твою винтовку видел... Там, среди мешков. Давай достану?

— Не поможет, — Софья покачала головой.

— Ты уверена? Тогда что...

— Ждать. — В её голосе не было сомнений.

Руслан судорожно сглотнул и попытался притвориться, что всё в порядке. Сделал вид, что просто наблюдает. Но снегопад не скрывал жуткого незнакомца, наоборот — он будто не касался его. Белые хлопья падали вокруг, но не оседали на балахоне, не таяли на плечах, не цеплялись за капюшон. Будто его вообще не существовало.

— Ой... — прошипел Руслан, когда фигура плавно двинулась вперёд. — Я, кажется, описался.

— Заткнись! — Сова резко втянула воздух, не сводя глаз с незнакомца. Тот шагал неспешно, но целеустремлённо. Прямо к водительской двери.

— Его не убьёшь, — тихо бросила девушка. — Лучше замолчи и стань похожим на этот баул со шмотками.

— Ты... вы... знакомы, что ли? — голос Руслана сорвался почти на шёпот. Он был поражён самим фактом, что Сова собралась разговаривать с этим... существом.

— Да, — Макаренко кивнула серьёзно, даже слишком. — И тебе лучше притвориться мёртвым, пока он не пригляделся к тебе. А то вдруг решит познакомиться поближе...

Мальчишка чуть не задохнулся от этих слов, глаза его расширились, а сердце дико заколотилось. Он собирался что-то сказать, но передумал, сглотнул и, зажмурившись, замер, скрестив руки на груди, словнодохлый суслик.

Дрожащей рукой Сова опустила стекло, и холодный кол-

кий воздух ворвался в салон, словно микроскопические осколки стекла, ударив её по лицу.

Она хорошо помнила тот день в Ростове Великом, когда этот человек — если его можно так назвать — забрал у неё тело Вани прямо из машины. Тогда она не поверила в происходящее, думая, что это был лишь кошмарный сон. Но вот он снова здесь — внезапно возник посреди дороги, словно призрак.

Тот же жалкий, лохматый старик, Лука. Всё как будто повторяется. В прошлый раз, в Ростове, она тоже собиралась проехать дальше, но он преградил ей путь. Правда, теперь в её кабине не мертвец, а живой мальчишка, но... вдруг это не имеет значения? Вдруг снова появятся те жуткие тени, неупокоенные души?

Сова прищурилась, пытаясь разглядеть лицо под капюшоном, но, как и в прошлый раз, увидела лишь бледный орлиный нос и спутанную седую бороду. Старик положил иссохшие ладони на стекло и улыбнулся. Его посиневшие, потрескавшиеся губы раздвинулись, обнажив гнилые зубы, и от вони тухлятины перехватило дыхание.

— О! Здрава будь, красавица! — голос Луки был хриплым с лёгким присвистом, словно ветер, гуляющий по руинам. — Гляди-ка, наши встречи становятся всё чаще! Придёт время, и ты сама не захочешь уходить! Решешь остаться...

— Ну, это вряд ли! — Сова резко мотнула головой и с вызовом ткнула кукиш под капюшон.

— Э-э-э... — Лука протянул с притворной обидой. — Обижаешь... Ты просто пока не видишь смысла в этом простом и безмятежном блуждании по полям и лесам земли Ярославской...

— Я вот только в твоём существовании смысла не вижу, Лука! — резко бросила девушка. — Так что давай мирно разойдёмся, как в прошлый раз?

— Как в прошлый раз? — капюшон медленно повернулся в сторону скорчившегося Руслана.

— Нет уж! — гневно вспыхнула Макаренко, перед глазами всплыл тот день — когда мёртвый Иван вдруг очнулся... и сам согласился уйти со стариком. — Этот живой, Лука! Он тебе никак не достанется!

— Почём знаешь? — голос Луки вдруг изменился, стал напряжённым, резким, нервным. — Может, в этот раз получится забрать?

— Потому что он невинный, — твёрдо сказала девушка. — Ты же таких не берёшь. Или уже всё изменилось?

— Времена меняются, доченька, — старик едва заметно пожал плечами. — Скоро и живых брать буду. И невинных. В прошлый раз я взял за проезд туда... а теперь — за проезд обратно. Ты ведь через Ростов едешь?

— Еду, Лука, — Макаренко прищурилась. — Только одна. Мальчишка остаётся. Если ты отойдёшь, я его домой отвезу.

— А как же поедешь? — с напускной заботой поинтере-

совалась борода.

— Да хрен его знает, Лука! — выдохнула Софья, начиная закипать. Вся эта задержка — очередная досадная помеха на пути к срочной мести. Сначала Руслан со своими попытками увязаться, теперь этот... ни живой, ни мёртвый старик с жутко дебильным подобием подката. — Наверное, очень быстро.

— Нет, ты не поняла... — тягуче протянул он.

— Да всё я поняла! — резко оборвала Сова. — И не пытайся, Лука! Не заманишь! Я его тебе не отдам!

— Да не нужен мне твой мальчишка! — вдруг замахал руками старик. Его чёрный рваный балахон затрясся, и с него посыпалось... что? Пепел? Зола?

— Я не затем здесь, чтобы Руслана Озимова... — при звуке своего имени мальчишка вздрогнул и сильнее вжался в кресло, — с собой забирать. Не затем.

— Тогда зачем? — Сова подалась вперёд, почти вплотную к капюшону.

Лука медленно выдохнул, и в воздухе потянуло сыростью, могильным холодом.

— Не отвози его домой.

— С чего это вдруг? — возмутилась девушка. — Почему я должна тебя слушать?

Старик склонил голову и прошептал:

— Я проведу вас обоих через Ростов... если ты возьмёшь его с собой.

— То есть, — Макаренко в недоумении развела руками, — ты здесь, такой странный и потусторонний, чтобы помещать мне отвезти Руслана домой? Откуда такая забота?

— Это не о нём забота, — капюшон качнулся вбок, словно старик сам не был уверен в своих словах. — А о тебе.

— Обо мне? — удивилась Сова, не зная, что ответить на такое откровение.

— Да! То есть, нет! Э-э-э... — Лука явно запутался, его голос дрогнул. — Не могу тебе сказать! Не проси! Просто возьми его с собой, и заблудшие тени в Ростове обойдут вас стороной. Идёт?

— Странная, если честно, сделка, — пожала плечами Макаренко, пытаясь скрыть сомнение. — Не увлекаешь ли ты меня? Там точно нет ловушек?

— Считаю это моим подарком тебе, — уныло промямлил старик, как будто его слова обременяли его. — Подарком в кубе. Поплачусь за это, но зато с тобой, дочка, ничего не случится.

— Эх, темнишь ты что-то, Лука! Темнишь! Но... помня твои честные голубые глаза...

— Этого ты помнить не можешь, — голос Луки стал тише, словно он сам уже не знал, что говорит.

— Да ладно! — отмахнулась Софья, словно старик был давно её другом. — Идёт! Давай! Где подписывать?

— Не надо ничего подписывать! — замахал руками Лука, как будто все слова стали для него лишними. — Просто по-

ворачивай и, что бы ни происходило в Ростове, не обращай внимания. А, да! И из машины не выходите! Не выходите оба!

— Это что? Для тебя проблема?

— Для меня? — Лука замотал головой и тихо хихикнул, словно что-то скрывал. — Нет! А вот для города... Короче! Не забивай мне голову! Езжай, пока обстановка благоприятная! Давай! Давай!

— Ладно! Ладно! — воскликнула Сова, закрывая окно. Сердце бешено колотилось в груди, а она завела машину и вновь развернула «Хаммер». Руслан, вытаскивая голову из груды баулов, широко открыл глаза, а она, даже не взглянув на него, бросила:

— Ходят тут кто ни попадя! Спасу нет! Командуют! Туда не ходи, сюда не ходи! Задрали, честно! Никакой свободы передвижения!

Руслан молча уставился на неё, а она пожала плечами:

— Не смотри на меня так. Сама не знаю, что происходит, и объяснить не могу! Зато ты теперь едешь со мной, шкет! Радуйся! И... э... устраивайся поудобней. Только помни, отработать придётся по-взрослому. Не зря этот чудик тебя ко мне направил. Что-то назревает, и ты сыграешь свою роль.

Макаренко быстро взглянула в зеркало заднего вида. Никого. Либо Лука растворился в воздухе, либо снег был так силён, что уже скрыл его, но Сова не сомневалась: его уже не было. И женщина вдавила педаль газа. «Хаммер» взревел, и

чёрный железный монстр рванул в сторону Ярославля.

Глава 7. Наследие тёмного прошлого

Ноябрь 2045 г.

Когда выходишь из ярко освещённого помещения в крошечную темноту, мир словно замедляется, увязая в густом, липком мраке. На мгновение зрение перестраивается, но этого достаточно, чтобы ты продолжал нормально видеть. И совсем недолго ты беспомощен, как слепой, выброшенный во тьму новорождённый котёнок, трепещущий в ледяной пустоте безвременья. Это и есть ослепительная тьма — живая, давящая, чуждая.

Затем, дрожащими шагами, ты вступаешь в этот новый мир, где каждый звук разносится эхом, обнажая жуткие глубины подземелья. Прохладный металл технического тоннеля под босыми ступнями кажется чужеродным, враждебным. Каждый шлёпающий звук твоих шагов рождает панический страх, потому что ты уже не знаешь, откуда раздаётся этот звук — от тебя или чего-то иного, чего-то, что наблюдает.

Ты вздрагиваешь от резкого щелчка механического реле. Замерший в оцепенении, слышишь, как протяжно стонет металл, словно конструкция комплекса с трудом сдержи-

вает страдания, вгрызаясь в самую себя ржавыми зубьями. Этот глухой, утробный ропот напоминает голос голодного зверя, запертого где-то в глубине. Каждый звук вгоняет тебя в ступор. Ты стискиваешь зубы, плечи сжимаются, но холод проникает под кожу, добираясь до самых костей. А потом...

Крик. Пронзительный, застывший между стенами. Детский крик.

Комок в горле. Лёгкие сжимаются, дыхание сбивается. Ты моргаешь, стараясь отогнать нарастающий страх, но звук не исчезает. Он растёт. Он захватывает пространство. Он забивает твои уши липкими щупальцами. Ты сглатываешь, судорожно хватая ртом воздух, и, пересиливая себя, двигаешься вперёд, каждый шаг — борьба с ужасом.

Из вязкой, затаившейся тьмы вдруг вспыхивает мерцающий огонёк — слабая лампочка, мигающая, словно последнее предсмертное дыхание электрического существа. Ты следуешь за светом, ведомый как мотылёк, с единственной мыслью — выбраться. Но когда достигаешь цели, оказывается, что спасения нет. Только тюрьма, погружённая во мрак.

Дальше очередная тёмная комната с низким потолком. Стены и пол словно поглощают свет. Нет окон, нет выхода. Только металлические столы, холодные, блестящие, как осколки льда, отражающие в себе уродливую реальность. Громоздкие стеклянные колбы отбрасывают злоеущие тени. Внутри... что-то... что-то неподвижное, чёрное, за-

стывшее в жидкой мгле.

Ты делаешь шаг. Спотыкаешься. Падаешь.

Боль взрывается во лбу, заполняя череп звонким эхом удара о металлическую ножку стола. Полка дрожит, и что-то тяжёлое падает сверху, вдавливая тебя в пол. Ты судорожно переворачиваешься, хватая воздух, ища опору. Пальцы натыкаются на нечто мягкое, тёплое, но безжизненное.

Рука.

Окровавленная, маленькая, словно детская. Ты вскрикиваешь, но из горла вырывается только сдавленный хрип. Отшатываешься, отбрасывая её прочь, но ужас уже обволакивает тебя. Паника стирает разум, дробит мысли в хаотичное мелькание образов. Тело дрожит, а ноги большие не чувствуют опоры.

Ты встаёшь, пошатываясь, спотыкаешься вновь. В тусклом свете видишь... то, что скрывалось в колбах.

Тело.

Мёртвый мальчик, заточённый в бесцветной жидкости. Он парит, безжизненный, с застывшим взглядом, невидящими глазами, погружённый в бесконечную агонию. Его тёмно-карие глаза, почти чёрные, сверлят тебя сквозь толщу стекла. Губы тонкие, волосы, словно щупальца мёртвой медузы, колышутся в вязкой жидкости. Ты замираешь, дрожа, молишься, чтобы это была иллюзия. Но нет.

Ты сгибаешься, твои внутренности выворачивает на пол, оставляя только сухую пустоту.

И вдруг...Ты видишь отражение.

Рука касается прозрачной стены, и внезапно ты понимаешь, что это не стекло, а зеркало. С той стороны — мальчик. Такой же. Тот самый, что покоится в колбе. Но в отражении он жив. И это ты. Мир сужается в тёмный тоннель. Тело немеет, разум тонет в вязкой, удушающей панике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.